

Юрий Стукалин
Михаил Парфенов

ОСКАЛ

«ТИГРА»

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Война. Штрафбат. Они сражались за Гитлера

Юрий Стукалин

Оскал «Тигра» (сборник)

«ВЕЧЕ»

2010, 2011

Стукалин Ю. В.

Оскал «Тигра» (сборник) / Ю. В. Стукалин — «ВЕЧЕ», 2010, 2011 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Гитлера)

ISBN 978-5-4484-7576-4

Июль 1943 года, Курская дуга. Переломный момент Великой Отечественной войны. Собрав огромные силы, гитлеровцы пытаются прорвать фронт и вновь захватить стратегическую инициативу. На острие главного удара идут грозные танки «пантера» и «тигр». Немецкие танковые асы уверены в своем превосходстве. Но здесь, на Курской дуге, они на собственной шкуре ощутят железную волю и самоотверженность бойцов Красной армии. Они узнают, что любовь к Родине во сто крат крепче брони...

ISBN 978-5-4484-7576-4

© Стукалин Ю. В., 2010, 2011

© ВЕЧЕ, 2010, 2011

Содержание

Оскал «Тигра»	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Стукалин, Михаил Парфёнов

Оскал «Тигра» (сборник)

Знак информационной продукции 12+

© Стукалин Ю. В., Парфёнов М. Ю., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Оскал «Тигра»

Глава 1

– Левее! Угробить нас хочешь?! – заорал я, прижимая к горлу ларингофон и с трудом подавляя желание закрыться в башне.

– Делаю, что могу, – раздался в наушниках искаженный помехами и оттого казавшийся несколько нереальным глухой голос механика-водителя Карла Ланге. Он находился всего в метре от меня, но казалось, что вещал откуда-то издалека, из-под земли.

«Тигр» остановился, крутанулся и, сминая мотки колючей проволоки, так резко рванул влево, что я чуть не расшиб голову о край люка.

– Карл, полный газ!

Ланге переключился на восьмую передачу, и мы на полной скорости проскочили вдоль края глубокого противотанкового рва, в который едва не угодили из-за плохой видимости и обстрела замаскированной русской пушки, неожиданно ударившей из редкого пролеска.

Только теперь стала понятна хитрость иванов, рискнувших бить по нам в лоб с двухсот метров. Причинить нам вреда они не могли, да и одного нашего выстрела было бы достаточно, чтобы разметать их в клочья. Даже промахнись наводчик Томас Зигель, Ланге менее чем через пару минут раздавил бы их вместе с пушкой, смешал с землей. Их поступок походил на акт отчаяния, на истерику, но на самом деле русские парни проявили холодный расчет и изрядную долю мужества. Они выманивали нас на себя, завлекали ко рву, чтобы таким варварским способом вывести из строя один из немногих, участвовавших в бою «тигров» – настоящую стальную крепость. Еще несколько метров – и мы в азарте могли рухнуть «мордой» танка с отвесного склона. Вытянуть назад тяжелую машину без тягачей невозможно, к тому же наверняка весь экипаж при таком падении переломает кости.

Видимость была отвратительной: дым от горящих машин, выхлопные газы, клубы поднятой пыли и земля, дождем сыплющаяся вниз после разрывов снарядов и авиабомб. На зубах хрустел песок, а едкий дым просачивался сквозь неплотно прилегающие пылезащитные очки, разъедая глаза. Дышать в этом аду было просто невозможно.

Но я не мог позволить себе удовольствия закрыть люк и не высовываться наружу. Иначе наш танк потеряет глаза, станет слепым на изрытом русскими снарядами поле. Внутри, конечно, спокойнее, можно не остерегаться шальной пули, хотя дышать там тоже хреново из-за пороховых газов, которыми баловала нас каждая отстрелянная гильза.

Благодаря своевременному маневру нам удалось избежать падения в чертову яму, но мы подставили борт артиллеристам. Мощную лобовую броню «тигра» им не пробить, а вот бок, опорные катки или траки вполне под силу. Нас разделял противотанковый ров, оставалось либо уйти из-под обстрела, либо погасить пушкарей огнем.

Пушка теперь находилась справа от нас, и открывающийся в эту сторону люк полностью закрывал мне обзор их позиции. В смотровую щель командирской башенки я с трудом различал суетившихся возле орудия красноармейцев и уже готов был отдать наводчику приказ повернуть башню, когда на месте русской пушки взрыв взметнул огромный столб земли, уничтожив ее. Кто-то выполнил эту работу за нас.

Я чуть приподнял голову из башенки, осматриваясь, но в этот момент снаряд угодил нам в лобовую броню корпуса и, сбив закрепленные там дополнительные траки, со страшным звоном отскочил в сторону. Попадание лишней раз напомнило мне, что не следует забывать об осторожности. «Тигр» тряхануло, а я с усилием подавил дурноту и невольно опустил глаза. Попади снаряд выше, смел бы командирскую башенку вместе с моей головой.

– «Тридцатьчетверки» лупят, – равнодушным тоном резюмировал всегда спокойный, как слон, Зигель. – Сейчас мы им дадим...

Томас был прав – Т-34 с такого расстояния ударом в лоб «тигру» большого ущерба не нанесет, его 76-миллиметровый снаряд нам не страшен, если только не попадет в маску пушки или в сочленение корпуса с башней. Но сейчас не это меня пугало. Мы каким-то немислимым образом выползли на минное поле, о котором никто не знал. На моих глазах подорвалось несколько гренадеров и один Т-Ш. Ни на каких картах это поле не значилось, а, следовательно, действовать теперь надлежало весьма осторожно.

– Разве «Штуки» их не поутюжили? – послышался в наушниках расстроенный голос Хуберта Шварца, заряжающего. – Думал, их там всех в кашу перемолотило.

Действительно, такой массивной работы люфтваффе я давненько не видел. Всего несколько часов назад, прямо перед нашим наступлением на Южном фланге Курской дуги утром 5 июля 1943 года, эскадрильи самолетов как коршуны ринулись на русские позиции. Ю-87 с ужасающим ревом пронеслись над нашими головами и сравнивали с землей первую линию обороны русских, расчищая нам проход для атаки. Земля сотрясалась от чудовищных взрывов, вся линия фронта в расположении советских войск покрылась всполохами огня и скрылась в дыму.

Мы дружно аплодировали нашим воздушным асам, полагая, что все живое там превратится в пепел и нам останется только занять намеченные позиции. Но, как выяснилось, не все.

По курсу появился небольшой, покрытый низким густым кустарником овражек, и, как мне казалось, там можно было, аккуратно лавируя, обойти заминированный участок. Я надеялся, что саперы, чьи бы они ни были, русские или наши, не стали тратить мины на этот и без того труднопроходимый кусок земли. Во всяком случае, «тигр» мог там проползти. Главное, чтобы сдюжил двигатель. Рядом с оврагом, понуро повесив дуло, горел Т-IV, языки пламени усердно лизали его мощные бока. Экипаж, судя по всему, не успел выбраться и сгорел в танке. Мы аккуратно объехали «труп» искореженной «четверки».

– Бедолаги, – скупно проронил Зигель.

Да, парням не повезло. Еще и не начался настоящий бой, мы только выдвинулись вперед, как уже понесли первые потери. Конечно, Т-IV, пусть даже модернизированный, подбитый из современных орудий проще, но ребят было чертовски жаль. Я и сам когда-то командовал таким танком.

В начале атаки мы выдвинулись клином. Несколько наших «тигров» в центре, а по бокам «трешки» и наскоро модернизированные «четверки», с установленными на них длинноствольными орудиями. И, конечно, две сотни новеньких «пантер», прибывших на фронт партиями в течение последних двух дней. Именно на них, «панцеркампфваген-V», делало ставку руководство, но они подвели самым досадным образом.

Этот уникальный танк мы ждали с нетерпением. Все, что с ним было связано, держалось в секрете, в воздухе витали лишь разные слухи. Именно тут, в районе Курска, он должен был впервые проявить себя, надрать русским задницу и переломить ход событий.

Увидели мы «пантеры», только когда они маршем добрались до наших позиций. Красавец танк, по форме немного напоминавший советский Т-34. 75-миллиметровая пушка, спереди 80-миллиметровая броня корпуса расположена под углом 55 градусов, 12-цилиндровый V-образный карбюраторный двигатель «Майбах». Мощная, элегантная машина! Рядом с ней наш широкий угловатый «тигр» внешне смотрелся, как доисторический мастодонт.

Их пришло двести штук, и мы гордились, что именно нашей гренадерской танковой дивизии «Великая Германия» выпала честь первыми использовать эти новые танки в бою. «Пантера», как и «тигр», тоже способна бить русские «тридцатьчетверки» за полторы-две тысячи метров, тогда как те могли надеяться на победу максимум с пятисот. С КВ та же история. А

другие, более ранние, модели советских танков вообще не представляли для нас опасности и в расчет не шли – никчемные железяки, обитые фольгой гробы для своих экипажей.

В отличие от «пантер» наши «тигры» уже были опробованы в битвах и вызывали у врага страх своим появлением. Мой бравый наводчик ефрейтор Томас Зигель отлично знал свое дело и порой, не дожидаясь в бою приказаний, сам наводил пушку на цель. Танкисту-ивану предстояло проехать километр под нашим огнем, прежде чем он сможет попытаться нанести нам хоть какой-то урон. Нас можно подбить, но для этого к нам надо еще подобраться. Пока ни у кого не получалось. Попробуй приблизиться, если с расстояния в полтора километра «тигр» изуродует любую цель, а башня танка делает полный оборот за минуту. Наводчику и надо было только нажать на педаль: носком вперед – башня направо, пяткой назад – влево. Зигель оказался настолько хорош в своем деле, что ему даже ручная доводка не требовалась.

Каждый «тигр» был не просто самоходной боевой машиной. Ремонтная служба, заправщики, а также гренадерские подразделения для подавления пехоты противника – все это ради нашей безопасности и поддержания боеспособности. «Тигр» – дорогая «игрушка» и требует особого ухода. Поговаривали, что за деньги, потраченные на его производство, можно изготовить три «мессершмита».

С появлением «тигров» и «пантер» ситуация изменилась к лучшему. Страшные некогда «тридцатьчетверки» теперь оказались беззащитными перед нами. Но «тигров» дивизии «Великая Германия» на нашем участке фронта было всего четырнадцать штук, а потому все надежды возлагались на стальной кулак из «пантер». Так что несколько сотен таких стальных кошек – могучая сила на любом поле боя. Так мы думали...

Однако несколько «пантер» сломались еще по дороге на позиции. Сначала особых переживаний это у нас не вызвало, мы надеялись на техническую часть – ребята подкрутят и привинтят, если чего необходимо. Но, к нашему великому удивлению, на старте еще три танка не завелись, и их заменили «трешками», а по пути у четырех «пантер» полетели двигатели, и нам пришлось срочно перегруппироваться.

Враг должен был видеть сокрушающую мощь немецкой армии, и мы не могли ударить лицом в грязь. О том, что сюда подтянуты последние силы, задействованы все резервы, этим чертовым русским знать ни к чему. Поэтому по приказу командования машины были расставлены на расстоянии друг от друга, растянувшись по всей линии нашего участка наступления. Но как только началась интенсивная пальба, танки скучились, и образовалась суতোлка, дающая дополнительный козырь противнику.

Связь между подразделениями оказалась отвратительной, в совместных действиях экипажей никакой согласованности и координации. «Пантеры» вели себя странным образом, напоминая безмозглое стадо, не понимающее ни стоящих перед ними задач, ни как надо вести себя в бою. Строй сломался, начался полнейший разброд! Это в немецкой-то армии!

Огонь русских нарастал с каждой минутой. Их артиллерия и находившиеся в укрытии танки лупили по нам, норовя поджарить, а мы увязли посреди минного поля. Еще несколько снарядов ударили по броне, но она выдержала. Сейчас мы были уязвимы – двигались вдоль линии фронта, подставив правый борт русским, и каждый из нас в напряжении ожидал, что в любой миг может случиться непоправимое. Впервые за сегодняшний бой стало по-настоящему страшно.

Ланге – водитель опытный, да и «тигр» легок в управлении, но в таких серьезных условиях, да еще под шквальным огнем, дело не столько в навыках экипажа, сколько в его удаче.

– Давай, Карл, в овраг! – закричал я, хотя и так было ясно, что это единственная возможность уйти с линии огня, обогнуть минное поле и противотанковый ров, а затем лбом выехать на позиции русских.

Молодчина Ланге проворно вырулил в овражек, будто дело происходило на тренировочной площадке, а не посреди битвы, где рядом рвались, вздымая землю, снаряды, и я наконец

вздохнул с облегчением. Сердце бешено колотилось в груди, но настроение немного улучшилось.

Мы миновали опасный участок и, перемалывая гусеницами кустарник и комья земли, выбрались на равнину. Пока выруливали, обходя минное поле, наша машина отстала от основной группы, и теперь необходимо было догнать ее.

– Приказывают выровнять линию! – раздался в наушниках голос стрелка-радиста Вилли Херманна.

– Ланге, полный газ! – скомандовал я.

С обеих сторон от нас шли новенькие «пантеры». Я присмотрелся к ним внимательнее, ведь на одной из них сейчас находился мой давний друг Отто Рау. Вместе с ним мы проходили курсы повышения квалификации в сорок втором, потом командовали «четверками» и утюжили русские просторы гусеница к гусенице. Но затем наши пути разошлись, я попал после ранения в госпиталь, а Отто ушел дальше с нашей танковой ротой. Я мечтал присоединиться к своим ребятам, однако судьба распорядилась иначе. Мы с Отто переписывались, но чем дальше, тем реже, а в начале сорок третьего он вообще пропал. Пропал, чтобы объявиться тут, на Курской дуге.

И вот мы снова рядом, сражаемся, как прежде, бок о бок.

После долгого перерыва я случайно увидел Отто только вчера. Он сидел на корме одной из прибывших «пантер», сосредоточенно отдавая приказания экипажу. Меня он сперва не заметил, но я помахал ему и окликнул.

Отто взглянул на меня, а узнав, радостно воздел вверх руки:

– Пауль Беккерт, дружище! Неужели ты?!

Он соскочил с танка, подбежал ко мне, и мы обнялись.

– Привет, старина! – широко улыбнулся он, глядя на меня сверху вниз.

Отто был высок ростом и в танковые войска попал поистине чудом, иначе не скажешь. Парень жаждал стать танкистом, однако был чуть выше допустимой нормы и потому в танковые войска не годился. Некий добряк посоветовал ему абсолютно идиотический способ решения возникшей проблемы: за два дня до комиссии вообще не пить воды и усиленно поднимать штангу. Ни один нормальный человек не стал бы заниматься подобной ерундой, но Рау слишком стремился в элиту вермахта. Он соорудил из лома и двух старых наковален штангу и, изнывая от жажды, поднимал ее в течение двух дней, покуда оставались силы. Удивительно, но от нескольких сантиметров ему действительно удалось на время избавиться. Не знаю, как уж там работает физиология, но, если верить словам Отто, вроде усыхает какая-то жидкость меж позвонками. Добавить к этому чуть подсогнутые в нужный момент колени – и результат достигнут. Врач, когда-то уже проверявший его рост, недоуменно поглядел на новобранца, измерил его еще раз, после чего с приподнятыми от удивления бровями поставил в документах свою закорючку, решив, должно быть, что Отто странным образом начал расти вниз.

– Рад тебя видеть! – ответил я ему. – Каким чертом тебя сюда занесло?

– Причислили к тридцать девятому танковому полку, – пояснил он.

Тридцать девятый полк, сформированный перед началом операции «Цитадель» из пятидесяти первого и пятидесяти второго танковых батальонов, вместе с танковым полком «Великой Германии» входил в состав десятой танковой бригады, которая оперативно подчинялась нашей дивизии.

– Отлично! – я не мог скрыть радости. – Значит, опять вместе?

– Ага! Командую вон ей, – Отто указал пальцем на свою «пантеру».

Я для себя отметил номер его машины – «408», и спросил, уточняя:

– Судя по номеру, ты в четвертой роте пятидесяти первого батальона?

– Точно! – снова расплывшись в улыбке, подтвердил Отто.

– Теперь буду знать, где тебя найти.

Отто хотел еще что-то сказать, но его позвали. Сделав недовольное лицо, он развел руками и извиняющимся тоном произнес:

– Пора, дружище. Увидимся позже.

– Обязательно!

Отто побежал к своему танку, потом обернулся и, сложив ладони рупором, прокричал сквозь шум двигателей:

– Поговорим, когда выйдем иванов! – донеслось до меня.

Его силуэт скрылся в клубах поднятой проходящей техникой пыли, а я отправился по своим делам.

Все мы в тот день находились в состоянии эйфории. Наконец после долгой подготовки, топтания на месте и томительного ожидания германская армия нанесет Советам сокрушительный удар в районе Курского выступа, возьмет реванш за позорное поражение под Сталинградом и продолжит наступление по всем фронтам. Каждый из нас с надеждой и восхищением смотрел на прибывающие колонны «пантер» – секретное оружие, которое должно было помочь нам уничтожить врага. Ожидания не оправдались. Русским даже не нужно было утруждать себя стрельбой по ним – сверхсовременные машины сами ломались на ходу и без их помощи...

Быстро нагнав основные силы, мы продолжили наступление. Гренадеры «Великой Германии» бежали рядом с нами, готовые, как и мы, встретиться с врагом лицом к лицу. Впереди вновь замаячили проволочные заграждения. Уже и без бинокля можно было разглядеть ошетилившиеся ежами русские позиции.

Я сверился с картой. Согласно разведанным впереди снова предстоит столкнуться с противотанковыми рвами. Авиаразведка сослужила нам хорошую службу. Каждый экипаж имел среди документов фотографии местности весьма неплохого качества. Глядя на них, я испытывал некоторый трепет. За месяцы подготовки к предстоящей и неизбежной битве иваны совершили невозможное. Широкие рвы, извилистые ленты траншей, насыпи и окопы по всему периметру плотными линиями обороны уходили на много километров в глубь их территории! Уму непостижимо, сколько земли перелопатили русские крестьяне. Страшно представить, как мы будем преодолевать все эти преграды. Оставалось только надеяться, что артиллерия, люфтваффе и группы саперов-подрывников расчистят для нас проходы в позициях иванов и сровняют их ямы, чтобы могли пройти танки.

Нашей основной задачей было пробить оборону противника, развить успех, захватить село Черкасское и двигаться дальше в направлении села Яковлево. Но наступление развивалось совсем не так, как изначально планировалось командованием. Черкасское предполагалось захватить сорок восьмым танковым корпусом к десяти часам утра, но из этого ничего не вышло. Советы слишком хорошо окопались и были готовы встретить нас всей своей мощью. Стоило признать, что их инженеры поработали на славу – оборонительные линии были настолько грамотно спланированы с учетом рельефа местности и заболоченных участков, что в начале боя основная масса танков оказалась скучена в узких, танкодоступных проходах, образовались заторы. Прибавить к этому сильный огонь их артиллерии и авиации, да еще и отвратительное взаимодействие между нашими танковыми и пехотными частями, и становилось ясно, что смять русских быстрым, сокрушительным ударом не получится.

Если в начале наступления казалось, что сосредоточенные на нашем участке сто двадцать девять танков «Великой Германии», семьдесят три САУ и двести «пантер» десятой танковой бригады сомнут любую преграду, то теперь эйфория спадала. Иваны не дрогнули и сопротивлялись не только яростно, но и умно. Отрезав в момент первой атаки боевую группу третьего батальона фузилерского полка от танковой поддержки, они покромсали наших парней в мясо...

Я ясно видел мелькавшие то тут, то там зеленые каски. В окопах пряталось огромное количество русских солдат. Отлично замаскированная советская артиллерия была теперь по нам из всех стволов.

– Командир, «С 11» просит поддержки! – сообщил стрелок-радист Вилли Херманн.

«Тигр» с этим номером двигался впереди нас и уже ввязался в жестокий бой с тремя выскочившими из укрытий «тридцатьчетверками». Русские танки накнулись на него и пытались уничтожить, норовя зайти с боков. «Одиннадцатому» пока удавалось оставаться в бою благодаря мощной броне, хорошей маневренности танка и опыту механика-водителя. Следовало поспешить ему на помощь, и я приказал Ланге дать полный газ.

Шансов у трех «тридцатьчетверок» против двух «тигров» не было, но они не собирались оставлять поле боя и лезли вперед, словно их экипажи напичкали чокнутыми самоубийцами.

Не дожидаясь моей команды, Шварц загнал в ствол бронебойный снаряд, а наводчик Зигель уловил в прицел первую цель. Спустя секунду грохнул выстрел, и в танке остро запахло пороховыми газами. Ближайший Т-34 завертелся на месте, его гусеница медленно сползала, как чулок.

Второй выстрел попал русскому танку в корпус, и «тридцатьчетверку» затянуло клубами дыма. Все произошло за считанные секунды. Люк танка откинулся, один русский выбрался наружу и начал вытягивать изнутри раненого товарища. Херманн срезал обоих из пулемета, и я увидел, как их мертвые тела безвольно скатились с брони.

Пока Шварц вставлял следующий бронебойный, Херманн полоснул очередь по вражеской пехоте, которая уже выбралась из окопов и бежала на нас. Его пулемет отсекал ее, не давая приблизиться к нам и забросать гранатами.

Вторая «тридцатьчетверка» развернула башню в нашу сторону, облако дыма вырвалось из ее ствола. Попадание было точным, снаряд ударил нам в лобовую броню, но, не причинив вреда, отскочил в сторону. Ответом им был очередной наш выстрел. Топливные баки взорвались, объяв русскую машину всепоглощающим огнем. С ними было покончено.

С третьим вражеским танком расправился «С 11», выпустивший снаряд почти в упор.

Мы снова начали выравнивать строй, но в небе раздался рев советских самолетов. Они звеньями по пять штук пикировали на нас и сбрасывали бомбы. Самолеты пролетали низко и бомб не жалели. Казалось, им не будет конца. Каждая могла превратить нашу машину в могилу для пятерых отчаянных бойцов вермахта. Взрывы поглотили округу черным дымом, атака захлебывалась. О продвижении вперед не могло быть и речи, так как спереди нас обстреливала русская артиллерия, а сверху сыпались бомбы.

Нам бы пришлось совсем плохо, если бы на советских летчиков не набросились эскадрильи люфтваффе. Завязался жестокий воздушный бой. Силы оказались равны, то один, то другой самолет с воем рушился вниз, разбиваясь о землю. Нескольким летчикам удалось воспользоваться парашютами, но их убивали еще в воздухе, и они становились похожими на куклы-марионетки, которым внезапно обрезали невидимые зрителю нитки. Как бы там ни было, люфтваффе удалось отвлечь русских от нас.

Из-за плотной завесы поднявшихся после многочисленных взрывов, дыма и пыли видимость стала нулевой.

– Какие указания, командир? – уточнил Карл Ланге.

– Движемся вперед на самой малой скорости.

– В таком дыму напоремся на что-нибудь, – засомневался Карл, – или своих парней подавим.

– Выполнять приказ! – заорал я. – Останемся на месте, нас точно подбьют. Жми!

– Мое дело маленькое, только я не вижу ни хрена, – пробурчал Ланге.

Он разозлил меня, но я не стал ему ничего говорить, не та ситуация. Главное, сейчас выжить в бою, а когда выберемся из этого безумия, обязательно устрою ему взбучку за несоблюдение субординации и слишком длинный язык.

Насчет видимости Ланге был, конечно, прав. Пришлось, рискуя получить в голову осколок или пулю, снова вылезти из люка и корректировать движение машины. Рот я прикрыл платком, но это слабо помогало – пыль проникала всюду.

Солнце стояло высоко, но казалось, что наступили сумерки. Впереди едва различались темные силуэты. Были это наши танки или вражеские, разобрать в таком бардаке с полной уверенностью не представлялось возможным. Нам ничего не оставалось делать, как медленно двигаться в этом аду среди взрывов, гари и копоти.

– Давай понемногу, не торопись! – уже спокойнее приказал я Ланге, но как мы ни старались с ним быть внимательными, все равно въехали в какую-то воронку и чуть было не воткнулись стволом в землю. Танк взревел, будто раненый зверь, и задним ходом вылез из ямы.

Я заглянул в люк проверить, как там ребята. Ефрейтор Зигель плотно прильнул к оптическому прицелу в поисках цели. Что он мог узреть в такой пыли?

– Сейчас, сейчас... – без остановки повторял он. – Сейчас достану его!

Кого он пытался достать, мне понятно не было. Но если Зигель находил цель, то уж только держись. Глаз у него острый и наметанный.

Из сектора обстрела русских удалось выбраться, но впереди нас ждали заграждения, противотанковые рвы и минные поля. Последние были очень опасны, но как в этой свалке разобрать, где они? Русские за время подготовки напихали в землю столько смертоносного металла, что страшно представить.

Мы двигались медленно, гранадеры обогнали нас и уже сражались с иванами возле их окопов, пытаясь прорваться сквозь нагромождения мотков колючей проволоки. Поддержать их огнем мы не могли, опасаясь попасть в своих. Все перемешалось на этой проклятой земле. Ох, не так планировали мы провести сегодняшний день... Молниеносной атаки не получилось, мы увязли в этом дерьме, и что самое отвратительное, не имели понятия, как действовать дальше.

– Дитрих! – закричал я командиру соседнего «тигра», в горячке боя позабыв, что по связи следует использовать только кодовые имена, данные нам на время операции. – Дитрих, не стой! Иди за нами на заграждения!

«Тигр» Дитриха подтянулся к нашему танку, и мы одновременно наехали на колючую проволоку, подмяли ее, давая пехотинцам возможность пробраться вплотную к окопам.

Я обернулся. Несколько «пантер» последовали за моим танком. Их командиры направили машины в образовавшуюся брешь. Я невольно выругался. Из-за неналаженной связи «пантеры» выбрали тактику следовать за головной машиной и вели себя, как слепые котята.

Херманн нещадно поливал красноармейцев из пулемета, а Шварц затолкал осколочный снаряд, и Зигель нажал на спуск, разворотив пулеметное гнездо русских, создававшее проблемы нашей пехоте. Гранадеры ринулись вперед. Ураганный огонь нескольких танков вынудил иванов отступать. Тех, кто не успел, гранадеры добились в окопах.

Первый рубеж мы взяли!

Дым понемногу рассеивался, вдалеке можно было различить вторую линию обороны русских и небольшое село. Не останавливаясь на достигнутом, я дал приказ Ланге двигаться дальше, развивая успех. Мы легко перевалили через окопы, но тут удача повернулась к нам спиной. Свежие батареи русских, усиленные «тридцатьчетверками», обрушили на нас такую лавину огня, что дальше продвигаться мы не могли, слишком плотно русские покрывали снарядами наш участок. Сначала одна машина вспыхнула пламенем, затем другая. Осмелившихся идти с нами гранадеров, не защищенных броней, осколки резали в куски. Теперь отступали мы. Атака вновь захлебнулась.

По радиации прошло сообщение от командования закрепиться и ждать дальнейших распоряжений. Я огляделся. От искореженных машин в небо поднимались густые столбы черного дыма. Русские повредили много нашей техники, а мы уничтожили их машин еще больше. Столько подбитых танков мне еще видеть не доводилось.

– Ланге, – окликнул я водителя, – встань там за холмом и глуши двигатель. Отдыхать будем.

Что ж, мы прорвали первую линию обороны русских, и нам всем нужна была передышка. Пехотинцы заняли окопы иванов и устанавливали на бруствере пулеметы.

Наш «тигр» дернулся и замер.

Глава 2

Я с трудом вылез из танка. Руки дрожали, ноги подкашивались, голова раскалывалась от непрекращающегося, заунывного гула в ушах. Быстро окинув взглядом нашу позицию, пришел к выводу, что здесь относительно безопасно и можно немного расслабиться. Русским тоже нужна передышка, к тому же с такого расстояния они вряд ли нас достанут, даже если очень захотят.

Осмотрев «тигр», убедился, что он практически не пострадал. Тот снаряд, что влетел нам в лобовую броню, оставил лишь глубокий скользящий след. Броня была толстой и крепкой, не крошилась, и попадание вражеского заряда походило на след от горячего паяльника на олове. Никакого вреда ни машине, ни экипажу. А шрамы лишь украсят нашего стального зверя.

Однако итог самого боя оказался неутешительным. «Пантеры», как выяснилось, были не готовы к возложенным на них задачам, а наши старые модели танков не отвечали современным требованиям, и многие были подбиты. Прямое попадание русской противотанковой пушки превращало их в бесполезную грудку металлолома.

Оставалось только благодарить Господа, что я командую такой мощной машиной, как «тигр». Недаром экипажи остальных танков с завистью посматривали на нашего «зверя». Танк показал себя превосходно. Несмотря на габариты и солидный вес в пятьдесят шесть тонн, он был маневренным, достаточно быстроходным, а пушка его при точном попадании сокрушала любую боевую технику русских, раскалывая, как скорлупу, даже лобовую броню некогда грозных «тридцатьчетверок».

Но, пускай этот бой оказался труден, «иванам» долго не устоять...

– Эй, Ланге, – позвал я водителя, – что у нас с горячим?

– Пока порядок, командир, а вот расход масла большой, – из люка высунулась сначала закопченная улыбающаяся рожа нашего механика-водителя, а потом и он сам. Его комбинезон был рваным, местами прожженным и чудовищно грязным. Я тысячу раз делал ему замечание, но Ланге упорно не хотел слушаться и переодеваться в новый комбинезон. Мне даже «посчастливилось» получить из-за него нагоняй от командира роты. Конечно, я мог надавить на Карла, но уж больно он был хорошим специалистом. В конце концов я плюнул на это и стал делать вид, что не замечаю его затрапезного вида. Если вдуматься, у нас у каждого тут на Восточном фронте куча недостатков: мы уже не обращаем внимания на всклокоченные бороды, на надорванные карманы на мундирах. Казалось бы, мы – бойцы самой мощной армии, несокрушимая сила, опора Германии... Да что там Германия – мы надежда всей Европы! И вот чистокровные немцы, славящиеся своей педантичностью во всем, ходят, как грязные цыгане.

Но у Карла Ланге было оправдание. Он когда-то горел в танке и единственный остался в живых из всего экипажа. Горел он именно в этом комбинезоне. Теперь он считает его своим талисманом, и сам дьявол не сможет стащить с него это тряпье.

Наверное, у каждого солдата, прошедшего тяжелые испытания Восточного фронта, есть свой талисман или амулет, защищающий от шальной пули или осколка. Я в эти вещи никогда не верил, но мои ребята – не исключение. Например, наш невозмутимый наводчик Томас Зигель носит на шее осколок, который выковыряли из его ноги после ранения осенью сорок первого. С тех пор, как он уверяет, смерть ему не страшна, и, пока мы находимся рядом с ним, нам тоже. Но таков наш Зигель, самоуверенности у него хоть отбавляй.

Наш заряжающий обер-ефрейтор Хуберт Шварц всегда во время боя надевает кепку задом наперед. Однажды он забыл так сделать, и нас чуть не подбили. Я, как разумный человек, не связывал эти два случая, но он другого мнения.

Ну а унтер-офицер Вилли Херманн – стрелок-радист, постоянно таскает с собой русский патрон, который уже блеснит, оттого что он вечно крутит его в руках. Где он его взял, непо-

нятно, а добиться вразумительного ответа от упрямого молчуна сложнее, чем победить в этой проклятой войне.

Каждый из них по-своему безумен, но мне на это наплевать. Мы одна семья, мы сражаемся плечом к плечу, и каждый грудью будет защищать другого. Иначе на фронте не выжить. Мне, как командиру этого небольшого сумасшедшего дома, сложнее всего. Ребята вечно влипали в различные переделки, а мне приходилось их выгораживать.

Когда недавно нашей дивизии «Великая Германия» было присвоено почетное звание гренадерской, они перепились в дым и чуть не наломали дров. Двадцать третьего июня фюрер подписал указ о присвоении дивизии этого высокого звания. Нашей гордости, конечно, не было предела, и мы широко праздновали это событие, шнапс тек рекой.

Подготовка к операции «Цитадель» занимала много времени. Все, что возможно, было стянуто на этот участок, тут должен был наконец-то начаться долгожданный перелом в войне, которого так все ждали. Волнение витало в воздухе. Все было брошено в этот котел и варилось в нем.

Мы продолжительное время проводили на тренировках, отрабатывали тактические особенности ведения боя и палили боевыми, не жалея снарядов. Занятия вели опытные инструктора, ветераны.

Но, несмотря на усиленную подготовку, бойцы находили время для различных развлечений. Было приятно передохнуть после страшных боев, а к учениям мы, уже тертые бойцы, порой относились как к детским забавам, что часто злило инструкторов.

Иногда удавалось раздобыть бутылку-другую шнапса и промочить глотку, но до попоек не доходило. По крайней мере у нас. Ланге однажды очень верно подметил общее настроение, сказав: «Хочется нажраться до свинского состояния – так, чтобы рухнуть в отключке в каком-нибудь теплом хлеву и проспять трое суток не поднимаясь и чтобы не снилась эта сраная война». Однако без происшествий все же не обошлось. Механики двух экипажей «тигров», переусердствовав слегка с алкоголем, поспорили, чья машина сильнее. Заключили пари и под бурные возгласы собутыльников зацепили свои танки тросами. «Тигры» по команде должны были двигаться в разные стороны. Я в тот момент вместе с другими командирами танков был на совещании, и мы, к сожалению, не смогли остановить «представление». Но я хорошо могу представить эту картину: два пятидесятишеститонных гиганта рвутся вперед, нещадно режут двигатели, земля комьями летит из-под траков, дым вырывается из выхлопных труб, окутывая зевак и болельщиков!

Итог выходки был трагичным. У одного танка погорело сцепление, а стальной трос не выдержал чудовищного давления и лопнул, как бельевая веревка. Концом его отрубило руку не в меру любопытного зеваки, который, будучи в подпитии, слишком близко подошел к машинам поглазеть на весь этот цирк.

С большим трудом удалось дело замять. Раненого отправили в госпиталь с пояснением, что травму он получил при ремонтных работах, это бывало и потому не вызвало кривотолков. Провинившихся механиков командиры экипажей предупредили, что в случае еще одного малейшего проступка те не доживут даже до трибунала – их пристрелят на месте как саботажников.

Своих парней, наблюдавших за «соревнованием» и активно делавших ставки, я заставил пару дней не отходить от нашего «тигра», надраивая и выскабливая его. Парни до сих пор злились на меня, но в бою мы все равно были одним целым, становились частью нашего «тигра» и действовали слаженно, понимая, что от этого зависят наши жизни...

– Хуберт, как с боезапасом? – поинтересовался я у заряжающего.

– В достаточном количестве. А вот мой внутренний боезапас иссяк, – с этими словами Шварц красноречиво похлопал себя по животу.

– Мне очень странно, обер-ефрейтор, что вас в такой ситуации интересует исключительно ваше брюхо, – резко осек его я, и он стушевался.

– Пауль, – окликнул меня стрелок-радист Вилли Херманн, высовываясь из люка. – Клог тебя вызывает на совещание командиров «тигров».

Я чертыхнулся, представляя, какую взбучку нам сейчас устроит гауптман. Шварц криво ухмыльнулся. Я ожидал от него язвительной ремарки, но он лишь хитро сощурился и промолчал.

– Ладно, считаешь точное количество оставшихся боеприпасов, – строго сказал ему я, – потом доложишь, когда вернусь. Ланге, проверь уровень масла. Унтер-офицер Вилли Херманн – за старшего. От танка не отлучаться, находиться в полной готовности. Касается всех.

Иногда на них, конечно, следовало и прикрикнуть, чтобы не расслаблялись, но я всегда старался не повышать голоса. Ребята это ценили. Они тут же занялись работой, а я отправился к командирскому танку.

Несмотря на то что огонь русской артиллерии заметно стих, передвигаться приходилось с осторожностью из-за опаски попасть под пулю снайпера. Лучше всего было спрыгнуть в русские траншеи и идти, хорошенько пригнув голову, что я и сделал.

Окопы поразили меня. Иваны всегда умели вгрызаться в землю, но тут превзошли самих себя. Нам было известно, что для рытья укреплений русские привлекли местное население, но, глядя на бесконечные извилистые ленты траншей, я даже представить не мог, сколько времени все это могло занять! Траншеи были глубокие, с укрепленными досками стенками. Теперь тут расположились наши grenадеры. Они отдыхали после трудного боя, кое-кто даже умудрился дремать.

Многие со мной почтительно здоровались. Я отвечал кивками. Наш «тигр» не раз прикрывал их атаки. Мы для них были больше, чем просто огневая поддержка. Когда солдаты видели, что вместе с ними в атаку идет «тигр», их боевой дух повышался, они верили, что впереди победа. Психологически мы только своим присутствием уже давали пехоте надежду, веру в несокрушимость вермахта, а это самое главное в бою. Вместе с такой мощью наступать нашим ребятам гораздо спокойнее.

А бой тут действительно был жарким. В окопах вперемешку лежали тела русских и немецких пехотинцев, под ногами повсюду россыпи стреляных гильз. Пару раз я споткнулся об окровавленные куски тел. Когда-то я от этого впадал в оторопь, но теперь чувства атрофировались, слишком много пришлось повидать на Восточном фронте. Когда ты постоянно хоронишь своих товарищей, тебя трудно чем-то удивить.

Командир нашей роты «тигров» гауптман Клог метал молнии. Он сидел на ящике из-под снарядов возле развороченной русской пушки и что-то звучно вещал, непрерывно жестикулируя затянутыми в черные кожаные перчатки руками. Сбоку, меньше чем в метре от него, валялся труп русского артиллериста с оторванной головой, но гауптман не обращал на это ни малейшего внимания.

Я подошел ближе, встал с краю, не желая попадаться ему на глаза.

Клог даже не пытался говорить сдержанно, он не скрывал ярости, и было от чего. При наступлении мы не сделали и доли намеченного по плану. Командиры танков понуро слушали его монолог.

– Вместо того чтобы сейчас уже быть в Черкасском, мы увязли здесь, – раздраженно продолжал Клог, – а теперь ждем, пока нас выбьет противник. Мы по уши в дерьме, господа!

Кто-то попытался высказаться, но гауптман остановил его движением руки.

– Я не хочу ничего слышать в оправдание! – рявкнул он, обводя нас тяжелым взглядом. – Дивизии «Великая Германия» фюрером оказана высокая честь! Наша рота должна быть на острие удара, но что я вижу?! Наши «тигры» танцуют вальсы на минных полях, а grenадеры

в этот момент без танковой поддержки топчутся на рубежах! – Гауптман хлопнул кулаком по колену. – Почему экипажи действуют несогласованно, как недоучки из тридцать девятого полка на своих хваленых «пантерах»?

Командиры «тигров» стояли, понуро глядя на Клога. Никто не сомневался, что гауптман прекрасно сознает причины неудачного наступления. Он и сам побывал в бою, чтобы увидеть, насколько серьезно верховное командование изначально недооценило оборону русских. Проще всего теперь винить солдат, натолкнувшихся на жесточайший отпор врага. Но перечить гауптману и ввязываться в спор никто не решался. Все понимали, что Клогу необходимо излить накопившиеся эмоции.

– Приказано наверстать упущенное! Дальше двинемся «колоколом». «Тигры» по-прежнему в центре, а «пантеры» и остальная техника – широкой дугой.

– Но, герр гауптман, – не сдержался один из лейтенантов, – нас же первыми пожгут! Накроют шквальным огнем и перебьют одного за другим.

Клог пристально посмотрел на лейтенанта из-под сдвинутых бровей:

– Если кого-то не устраивает его нахождение в роте «тигров», посодействую в его переводе на «трешку».

Лейтенант благоразумно смолк и опустил глаза.

– Двигаться организованно, – уже более спокойно продолжил гауптман. – Держать связь, темп не сбавлять. На готовность дается, – гауптман помедлил, бросив взгляд на циферблат часов, – двадцать минут. Выступаем сразу после артобстрела русских позиций. Нам помогут люфтваффе. На карту поставлено слишком многое, господа! Горючее и боеприпасы уже подвезли. Еще вопросы?

Вопросов ни у кого не возникло. Все было и так понятно: нам нужно во что бы то ни стало скорее добраться до Черкасского, иначе все планы верховного командования сухопутных войск полетят к чертям, и генералу фон Хейерляйну, командующему дивизией «Великая Германия», да и всему остальному штабу операции «Цитадель» придется выслушать немало нелестных слов от берлинских бонз, а то и погон лишиться.

Обратно я возвращался, размышляя, что совещания в остальных ротах наверняка прошли в таких же резких тонах. Мы действительно слишком долго провозились на этом участке, выбивая русских...

Карл Ланге курил, высунувшись из своего люка. Двигатель «тигра» уже был заведен и тихо урчал. Я подошел и расстелил перед Карлом карту на броне.

– Будь внимательнее. Дальше начнется заболоченная местность, там огромный ров. Затем несколько речек, но переправу нам должны обеспечить. Мы идем по центру, остальные прикрывают нас с флангов. Русские тут порядком потрудились, чертовых заграждений будет еще больше. Командование полагает, что они хотят расчленивать наши танки и зажать в узких коридорах вот здесь и здесь. Надо постараться этого избежать.

– Ясно, командир. – Карл выплюнул окурок. – Я постараюсь.

– Давай, – похлопал я его по плечу. На ладони остался жирный масляный след, пришлось вытереть ее о штанину.

Я залез на танк и пробрался к ящику для амуниции, закрепленному с тыльной стороны башни. Там мы хранили теплую одежду, каски, основные личные вещи, а также кое-какой инструмент. Во время боя ящик слегка помяло шальным осколком, замок сломался. Я боялся, что при езде по русским просторам мы растеряем весь наш скарб, и решил закрепить его на первое время хотя бы проволокой.

В ящике творился страшный бардак, и у меня никак не доходили руки заставить ребят разобраться и выкинуть все лишнее. Зигель вообще устроил в нем настоящий склад из своих трофеев. У него тут были какие-то позаимствованные в русских деревнях тряпки, иконы, посуда. Имелся даже небольшой самовар, которым Зигель очень гордился. Глядя на все это

безобразии, я твердо решил после боя устроить ему выволочку и провести ревизию в его «кладовке». Давно пора было заняться этим, ведь его хламом завалены даже наши каски. Случись, что нас подобьют и придется занимать оборону вне танка, у нас даже не будет времени выковырять эти стальные «ночные горшки» из зигелевской помойки.

В поисках проволоки я наткнулся на свою каску, достал ее и покрутил в руках. Сколь часто, высываясь из башенного люка, я хотел, чтобы на голове была хотя бы эта иллюзорная защита! Вот и сейчас поймал себя на мысли – а не прихватить ли ее на всякий случай? Бой предстоял еще более жестокий, снова придется выглядывать из командирской башенки, подставляя голову свистящим вокруг пулям и осколкам. Но надеть ее я не мог: с каской на голове невозможно приладить наушники, а потому командир всегда рисковал, но остаться без связи позволить себе не мог.

Я положил каску на место, закрыл крышку ящика и прикрутил ее проволокой.

Любопытно, но русские в отличие от нас обычно шли в бой с накрепко задраенными люками. Мало того, что экипажи «тридцатьчетверок» состояли из четырех человек и им постоянно в бою не хватало рук, но и их командир, сидя внутри танка, имел плохой обзор местности.

В наших войсках мы старались этого не делать. И хотя смертность среди командиров была высокой, оправдывало их гибель то, что зачастую именно благодаря бдительности командира, который не задраивает люк, а следит за ситуацией, экипаж оставался цел. Мои глаза уже не раз спасали нас от смерти.

Наконец ударили наши тяжелые орудия, и земля вновь пошла ходуном. Даже находясь на высоте около двух метров, я чувствовал вибрацию. Вдалеке, в том месте, которое нам предстояло атаковать, все покрылось густым дымом. Снаряды ложились на позиции иванов кучно, мне это было хорошо видно в цейссовский бинокль. Не успела смолкнуть артиллерия, над головой со страшным ревом пронеслись «штуки». Снова они утюжили русские позиции, как всегда усердно и точно. Обладая такой мощью, мы не могли не победить в этой битве! Наверное, каждый солдат вермахта, в эту минуту наблюдавший артобстрел и бомбардировку самолетов люфтваффе, думал о том же.

В наушниках раздалась команда с головного танка, взревели моторы, и десятки танков с гренадерами на броне рванули вперед.

Мы надеялись быстро достигнуть цели, но все оказалось не так просто. Снова возникли проблемы. Не проехали мы и двухсот метров, как прямо перед нами заглохла и преградила путь нарушившая строй и вырвавшаяся вперед «пантера». Судя по номеру «416», танк был из пятидесят первого батальона, из четвертой роты, в которой служил Отто Рау. Значит, и он где-то рядом. Остановившаяся «пантера» стала отличной мишенью для русских, и по ней уже пристреливалась артиллерия.

Нужно было что-то срочно предпринять, чтобы спасти парней, и решение пришло мгновенно. Если мы подтолкнем их сзади, возможно, запустится двигатель!

– Зигель, башню на девять часов! – закричал я. – Ланге, упрись в «пантеру», думаю, мы сможем подтолкнуть ребят!

– Слушаюсь, – рапортовал Ланге и переключил на шестую передачу.

«Тигр» качнулся, перевалил через небольшой вал и уперся в корму «пантеры». Тут же из башни по пояс высунулся молодой унтер-офицер и отчаянно замахал мне рукой. Видно было, что он очень взволнован и не знает, что делать в такой ситуации. Я показал ему, что все в порядке, и мы им поможем, а затем жестом приказал скрыться внутри танка и не подставлять себя так бездумно под пули. Он растерянно улыбнулся, а я еще раз ткнул рукой в направлении линии противника: «Не теряй бдительности!» – после чего унтер-офицер наконец поспешно нырнул внутрь своего танка.

Несколько метров мы безрезультатно толкали «пантеру», пока ее двигатель не взревел, обдав «морду» нашего «тигра» черным облаком выхлопных газов. Удушливый смрад мгновенно просочился через смотровые щели, и кто-то из парней громко закашлялся.

Молодой унтер-офицер снова на мгновение выглянул из люка и с благодарностью помахал мне ладонью.

Ланге переключил передачу, быстро сдал назад и минутой позже лихо объехал «пантеру». Зигель к тому времени уже развернул башню. Мы снова были в строю и вступили в бой.

Русские на удивление быстро очухались после такого массированного огня. Я, честно говоря, не ожидал от них подобной прыти. Либо наша авиация и артиллерия не принесли им существенного ущерба, либо иваны успели подтянуть резервы. Мы не знали, сколько их там и какие силы нам противостоят, – сведения разведки были весьма противоречивы. Зато мы, о чем я давно догадался, стянули сюда все, что можно.

Несколько дней назад нашу роту выдвинули на марш без объяснения задачи. Танки под завязку заполнили горючим, да еще выделили дополнительные канистры с бензином, которые ребята закрепили на броне. Горючки хватило бы добраться до Москвы, и мы недоумевали, куда нас отправляют. Сухой паек выдали на несколько суток. Все это выглядело весьма странным.

Позже мы поняли, чего от нас хотело командование. Наши танки колонной двигались по дороге, параллельной линии фронта. Дальше мы заезжали в лес, а потом через буреломы возвращались обратно на дорогу. И так целых два дня. Оказывается, мы жгли бензин, чтобы сбить с толку русскую разведку. Целый день мы уродовали танки по лесным оврагам, чтобы враг думал, будто все новые и новые колонны «тигров» прибывают на позиции. Не знаю, удалось ли дезориентировать русских этим маневром, но утомились мы жутко. Ланге ругался на чем свет стоит, и даже увеличенный сухой паек не смог поднять ему настроения. Зато Зигель умудрился выспаться, и ничто не могло ему помешать.

Ходили слухи, что заводы не успевают поставить в войска необходимое количество бронетехники, а как раз от нее во многом зависел успех всей операции. Якобы именно по этой причине так долго откладывалось начало наступления. Командование все поставило на карту, и наше «путешествие по кругу» могло способствовать победе, добавив неуверенности русским военачальникам. Ведь сомневающийся в своих силах враг уже наполовину побежден. Не знаю, прибавили ли наши маневры неуверенности иванам, но нам – точно. Помню, что даже обычно немногословный Херманн тогда буркнул себе под нос:

– Если мы сейчас проиграем, нам всем конец...

Наш «тигр» шел на предельной скорости. Связь с другими танками снова была отвратительной, ориентироваться приходилось по головным машинам. «Пантеры» вообще в эфире почти не появлялись, что было дурным знаком. Из-за плохой связи танки местами двигались гуськом, и, если какая-нибудь машина случайно забирала в сторону, за ней увязывались идущие следом.

Краем глаза я зафиксировал вспышку. Русская противотанковая пушка! Они неплохо ее замаскировали. Если бы не поторопились с выстрелом и подпустили нас ближе, могли задать нам отменную трепку. Выстрел демаскировал орудие.

– Пушка на два часа, пятьсот метров! – закричал я.

Томас быстро развернул башню в нужном направлении. Снаряд уже был в стволе, молодчина Шварц никогда не зевал. Спуск у пушки электрический, достаточно легонько нажать на кнопку. Танк остановился, и Зигель надавил на спуск. Раздался выстрел.

Я прильнул к биноклю и скривился – мы промахнулись.

– Еще!

Грянул второй выстрел. Теперь мы попали. Орудие перевернулось, а расчет можно было собирать по кусочкам. Что ж, одной опасностью меньше!

Неожиданно моим глазам предстала странная картина. Я едва не разинул рот от удивления, настолько был поражен действиями иванов. Вдоль линии нашего наступления на большой скорости друг за другом мчались два русских грузовика. Они подсакивали на кочках, и казалось, вот-вот развалится на части. Русские очень торопились, но было совсем непонятно, куда и зачем. Я бы понял, если бы они двигались от нас, улепетывая или даже если бы самоубийственно ехали на нас. От русских можно всего ожидать. Но поперек! Вызывать огонь на себя?! Глупо. Снарядов у нас на всех хватит...

Вдруг грузовики резко остановились, из кузовов выскочили солдаты и принялись что-то быстро сгружать на землю. Спустя минуту они так же споро заскочили обратно, и грузовики рванули с места. Метров через пятьдесят процедура повторилась и еще через пятьдесят...

И тут до меня дошло!

– Мины! Они минируют поле! Передайте всем машинам! Огонь!

От наглости русских я несколько опешил. Что же это за солдаты такие? Ведь надо быть глупцом либо безумцем, чтобы решиться на такое! Минировать внаглую поле прямо перед наступающей армией вражеских танков. Может, это смертники из штрафбата, не знаю. В любом случае следовало отдать должное их храбрости.

Зигель навел ствол на один из грузовиков, и я скомандовал:

– Огонь!

Сразу несколько танков дало залп по грузовикам. Кто был точнее, неважно, но от прямого попадания одна из машин разлетелась на моих глазах. Находившиеся в кузове бойцы огненными факелами полетели в разные стороны. Второй грузовик, петляя, ринулся прочь от нас в сторону своих и, растворившись в клубах дыма, безнаказанно улизнул.

– Они либо сумасшедшие, либо отчаянные храбрецы, – раздался голос механика-водителя.

– Это в принципе одно и то же, – подытожил Шварц.

– Ланге, смотри не напорись на их «гостинцы», – приказал я, придерживая рукой ларингофон.

– Слушаюсь.

Господи, с кем мы воюем?! Я не переставал удивляться русским и их методам ведения войны с самого начала Восточной кампании. Немудрено, что мы уже два года сражаемся с ними и конца этому не видно.

Глава 3

Несмотря на то что мы спугнули русских саперов, два танка и одна САУ подорвались на минах. САУ была выведена из строя, а танки лишь повредили гусеницы. Экипажам не позавидуешь – менять траки в боевых условиях под шквальным огнем противника задача не из легких.

Русская артиллерия вдруг смолкла, и на нас выдвинулись русские танки: «тридцатьчетверки», несколько КВ и совсем устаревшие Т-26 и Т-70. Они быстро приближались, но были еще довольно далеко, чтобы причинить нам вред. Мы же вполне могли их достать.

Ланге затормозил, остановил танк. Пока гранадеры прыгивали с нашей брони, Зигель навел пушку на первую цель. Гроыхнул выстрел, взрыв взметнул землю возле «тридцатьчетверки», не задев ее. Промах! Пока Шварц заряжал следующий бронебойный снаряд, русский танк скрылся в стелющемся по равнине густом черном дыму и исчез из поля зрения. Но я не винил Зигеля – вести огонь по Т-34 всегда сложно, слишком это быстрый и маневренный танк.

Здесь, на ровной поверхности, нашим «тиграм» не было равных. Наша пушка с дальностью в две тысячи метров против русской, не способной поразить нас с дистанции свыше пятисот. Наша задача была довольно простой – уничтожить противника, пока он не приблизился к нам ближе пятисот метров.

Численный перевес на этом участке битвы был на нашей стороне, и мы устроили иванам настоящее пекло. Я видел, как один за другим вспыхивали их танки в попытке добраться до нас. На месте командования я бы сейчас дал приказ остановиться и бить вражеские машины с безопасного расстояния, пока их контратака не захлебнется, и только потом продолжил наступление. Но у командования были иные планы, и мы неслись навстречу друг другу, чтобы схлестнуться в смертоносном бою.

Внезапно справа выскочило несколько «тридцатьчетверок», умудрившихся скрытно подобраться достаточно близко. Они шли наперерез нам.

– Зигель, танк на три часа! Шестьсот метров! – заорал я, срываясь на хрип. – Карл, не дай им обойти нас с фланга!

Ланге повернул «тигр», направив его на стремительно сближавшиеся с нами «тридцатьчетверки». Они неслись на предельной скорости, стреляя с ходу. Русские в отличие от нас часто били, не останавливая своих машин. Это крайне сложно, любой холмик или выемка на поверхности смещали прицел, но, надо сказать, у многих иванов получалось наносить урон нашей технике таким способом. А если они били по окопам или бегущей пехоте, то там даже смещение прицела не играло особой роли – кого-то все равно секло осколками.

Несколько снарядов, выпущенных прорвавшимися «тридцатьчетверками», разорвались совсем близко, а один даже царапнул нас по броне. Но толку от их огня пока не было. Ланге остановил «тигр», и Зигель дал ответный выстрел. На этот раз он не промахнулся! Снаряд ударил в передовой русский танк возле люка механика, и машину обволокло дымом. «Тридцатьчетверка» еще какое-то время двигалась на нас, но потом замерла на месте. Если из экипажа кто-то остался в живых, то не вылез, опасаясь пулеметной очереди.

– Предпочитают задохнуться от гари в своей консервной банке, – зло прошипел Вилли Херманн.

– Не беспокойся, – успокоил его я, – еще настреляешься.

Вдруг сильный удар сотряс наш «тигр». Я резко обернулся, вглядываясь в смотровую щель командирской башенки. Одна из «тридцатьчетверок» все же обошла нас с фланга и теперь представляла реальную угрозу! Снаряд попал в боковую броню, но нам сильно повезло: он прошел по касательной. Ударь он ниже на десяток сантиметров – и конец нашей гусенице. Мы бы надолго встали здесь. А если бы русский не спешил и остановился для точного выстрела, то вполне мог разворотить нам бензобаки.

На разворот башни и выстрел у нас времени не было, но, к счастью, «пантера» справа от нас не дала русскому танку сделать повторный выстрел, уничтожив его из своей мощной пушки.

Оставшиеся на фланге две «тридцатьчетверки» поспешно отступили, не пожелав оказаться сожженными. Мудрое решение. Продолжи они вдвоем атаку на десяток «тигров» и «пантер», участь их была бы предрешена, а толку от героизма никакого. Только потеряли бы свои машины и сами погибли.

Пока мы отвлекались на «тридцатьчетверки», наши гренадеры при поддержке других танков успешно продвигались вперед. Им предстояло захватить небольшое село, где закрепились русские артиллеристы и пехота. Это село являлось промежуточной целью, но нам во что бы то ни стало необходимо было взять его под контроль, чтобы не иметь в тылу сильной огневой позиции врага.

Там уже завязался жестокий бой, несколько наших машин горело. Ланге включил восьмую передачу, и «тигр» на полной скорости рванул к селу. Следом за нами шло несколько «пантер».

Я видел, что гренадерам приходится тяжело. Русские шквальным огнем вынудили их залечь и передвигаться только ползком. Стрельба наших САУ и танков наносила противнику серьезный урон, но русские продолжали остервенело драться, не желая сдавать позиций. Им даже удалось на время остановить продвижение нашей техники. В немалой степени этому способствовало нагромождение защитных рвов, ежей, колючки и минных полей.

Гренадеров подняли в атаку, и они бросились вперед, пытаясь преодолеть заграждения. Русские не стали ждать, ошетинились штыками, ринулись в атаку.

Нашим пехотинцам приходилось пока рассчитывать лишь на собственные силы. И, судя по всему, им вряд ли выдержать такой яростный напор русских, готовых биться до конца за каждый метр своей земли.

Мы спешили гренадерам на подмогу, но были еще далеко. Херманн, стараясь не попасть по своим, отсекал подбирающихся иванов пулеметным огнем, а Зигель выискивал в прицел новые жертвы для своей пушки.

Вокруг все пылало в огне, взрывы и стрельба были нескончаемыми, запах гари становился невыносимым. Русские явно старались загнать нас в узкое место, и это им почти удалось, так как связь между танками периодически прерывалась, и каждому приходилось принимать решения в одиночку. Об организованном ведении боя уже речи не было, все смешалось, вокруг творилась полная неразбериха.

– Командир! – раздался напряженный голос заряжающего. – Бронебойные на исходе.

– Используй фугасные!

Это были плохие новости. Еще неизвестно, что ожидало нас в этом селе и чем нам отбиваться в случае серьезной контратаки. Больше всего я опасался, что русские подтянут авиацию, и тогда нам крышка. Мы на открытом участке, некоторые танки завязли в хитросплетении заградительных укреплений и минных полей, другие, пытаясь обойти их, ушли далеко в сторону. Мы были как на ладони, и забросать нас бомбами оказалось бы проще простого. На наше счастье, этого не произошло, и мы упорно продолжали продвигаться вперед.

Русские понимали, что в итоге мы их выдавим, но все равно упрямо сопротивлялись.

– Карл, жми! Надо пехоту поддержать огнем! Зигель, артиллерийский расчет на одиннадцать часов!

– Вижу, командир, – отозвался Томас, – и правее еще одна пушка.

Да, он был совершенно прав, пушку справа я не заметил, она была хорошо замаскирована поленницей дров. Пришлось снова тормозить. «Тигр» не приспособлен к стрельбе на ходу, каждый раз необходимо останавливаться. Последовал выстрел, и дрова поленницы разлетелись во все стороны. Пушка была уничтожена.

– Вот это выстрел! – радовался Зигель.

– Не отвлекаемся! Ланге, полный ход!

Наш «тигр» оказался ближе всех к селу, и мы не стали медлить. Я наизусть помнил правила, которым нас обучали. Одно из них гласило: «Если противотанковая оборона обнаружила себя на короткой дистанции, остановка равнозначна самоубийству! Ситуацию может спасти только немедленная агрессивная атака противника на полной скорости со стрельбой из всех стволов». И хотя ствол был у нас только один, а снаряды заканчивались, я решил действовать.

Ланге направил танк на ближайший дом, Зигель быстро развернул башню, чтобы не повредить ствол. Нырнув вниз, я еле успел захлопнуть люк. Мы влетели в избу на полном ходу, и она рассыпалась, как картонный домик. По крышке люка застучали доски.

За избой обнаружилась батарея из трех орудий, иваны готовились открыть стрельбу по подходящим танкам. Наше появление «из дома» заставило их артиллерийские расчеты опешить, и этого времени Ланге вполне хватило. Не сбавляя скорости, он прошелся по пушкам гусеницами, легко сминая их и превращая в груды железа. «Тигр» лишь слегка накренился, проезжая по ним. Русские артиллеристы разбежались, кто-то даже успел бросить гранату, которая, однако, отскочив от брони, не причинила нам никакого вреда. Если бы иван закинул ее под гусеницы, могли возникнуть проблемы с траками, но он спешил.

Замешкавшийся Вилли Херманн начал строчить из пулемета, не жалея патронов, но, насколько я видел, иваны успели попрятаться, выйдя из зоны обстрела, и потерь среди них не было. Подоспевшие гранадеры отгеснили их, заставив отступить.

Чуть высунувшись из люка, я огляделся. Гранадеры вели перестрелку с русскими, в село с разных сторон один за другим входили наши танки. Через несколько минут русские начали организованно отходить, сдавая позиции, но все равно продолжали ожесточенно огрызаться. Спустя полчаса вражеские позиции были окончательно заняты, и гранадерам оставалось только добить раненых красноармейцев, которые не смогли самостоятельно выбраться из этого ада. Вскоре все было кончено.

День близился к концу, и мы получили приказ закрепиться здесь, так как в темноте, без боезапаса и с заканчивающимся горючим нам впереди искать было нечего, кроме собственной гибели.

Село было практически полностью разрушено, мирные жители давно покинули его. Многие дома пылали, огонь быстро пожирал их. Лишь несколько построек каким-то неведомым образом остались целы – обычные покосившиеся саманные дома и бревенчатые избы, каковых я много повидал за два года войны. Это не Европа, где любая захудалая деревня выглядит куда гораздо ухоженней, но мы настолько вымотались за этот день, что сейчас были бы рады провести ночь не в танке, а в какой-нибудь избе. Кругом уже хозяйничали гранадеры, располагались и готовились к отдыху. Легкоранеными занимались санитары, а тех, кто получил сложные и тяжелые ранения, готовили к отправке в тыл.

Боевое охранение по периметру наконец выставили, и можно было расслабиться. Не исключались, конечно, ночные налеты русской авиации, но война есть война, мы привыкли.

– А вот интересно, кормить нас будут? – первым делом спросил, высовываясь из люка, чумазый Ланге. В зубах его уже была зажата незажженная сигарета.

– Да, – отозвался вечно голодный Шварц. – Пожрать бы.

– Ничего не могу сказать, ребята, – ответил я, пожимая плечами. – Должны подвезти боеприпасы, а там и ужин, наверное, подоспеет.

Все было не так уж и паршиво. Несмотря на то что войска продвинулись вперед совсем ненамного, и наша основная задача на сегодня оказалась невыполненной, мы остались в этой молотилке целы и невредимы.

По радиции сообщили, что транспорт с боеприпасами и горючим уже на подходе, но кухня задерживается.

– Я уже ничему не удивляюсь, – сплюнул Шварц. – Вперед, «Великая Германия», к победам на пустой желудок.

– Не кипятись, перекусим сухим пайком.

– Вот это разговор, – обрадовался Шварц и сунул голову в люк. – Эй, девчонки, доставьте сухой паек!

– Стоп! Стоп, – остановил его я. – Хуберт, остынь! Работы предстоит уйма. Сначала дело сделаем, а потом со спокойной душой и себя подзаправим.

– Как всегда, – загундосил Шварц. – Мне на голодный желудок работать тяжело.

– Разговоры, обер-ефрейтор! – оборвал его я. – Займитесь лучше делом. Чем быстрее закончим, тем быстрее набьешь брюхо. Сперва пополним боезапас. Или ты хочешь в случае внезапной контратаки русских закидывать их «Шока-колой»?

– Нет, конечно, – пробубнил Шварц, понимая, что в моих словах есть рациональное зерно.

Лично мне после сегодняшних треволнений и тряски есть совсем не хотелось, но даже если бы я чувствовал себя иначе, сперва следовало позаботиться о нашем «тигре». Необходимо было в срочном порядке получить снаряды и горючее и устроить «тигру» небольшое ТО.

В отличие от русских Т-34, которые изготавливались в своей массе из штампованных деталей, наши танки были сложны в производстве, а соответственно и в эксплуатации. Такова была плата за мощь и маневренность. Тем более что последнее время техника явно делалась в большой спешке, доставлялась на позиции с недоделками, и ряд неисправностей приходилось устранять фактически на ходу.

Экипаж выбрался из танка и принялся за выполнение своих обязанностей. Лица у всех были недовольные, но они помалкивали, ибо знали, что я прав. И дело тут не в том, что я их командир, я работал всегда наравне с ними. Просто они знали, что от того, как мы будем ухаживать за нашей машиной, в бою зависит наша жизнь и жизни многих других солдат вермахта.

Шварц и Зигель сняли закрепленные на борту лом и лопату и принялись счищать грязь с опорных катков, из которых состояла ходовая часть танка. Катки располагались вдоль гусеницы в шахматном порядке и перекрывали друг друга. В сочетании с широкими 725-миллиметровыми боевыми гусеницами этот порядок давал возможность равномерно распределять массу «тигра». Но тут были и свои нюансы. Между здоровенными катками набивалась грязь, глина, перемолотые ветки и прочая хрень, что могло привести к срыву гусеницы.

Зимой туда забивался снег, и это было ужасно. В январе этого года я на собственной шкуре испытал, каково в лютый мороз натягивать гусеницы и менять траки. Чуть руку тогда не отморозил. Русские, прознав о наших проблемах, полюбили устраивать атаки с утра пораньше, когда все вокруг обледенело и механизмы отказывались работать. Смазка замерзает, опорные катки намертво забиваются, даже стрелковое оружие становится бесполезным. Много наших парней полегло тогда.

Поэтому я первым делом всегда заставлял своих ребят вычищать грязь и почаще смазывать ходовую часть.

Ланге и Херманн занялись чисткой ствола, я им помогал. Канал ствола пушки всегда надо держать в чистоте, особенно после того, как израсходован весь боезапас. В теории ствол мог выдержать не одну сотню выстрелов, но тут, в России, среди всей этой ужасной пыли и грязи канал забивался мгновенно. Это влияло на точность стрельбы. А если учесть, что от первого выстрела порой зависела твоя жизнь и второго уже могло и не быть, то вопрос, чистить или нет, отпадал сам собой. А мы сегодня постреляли достаточно.

Чистка ствола – занятие не из легких. Масса пушки составляла тысячу триста килограммов, а длина ствола около пяти метров. Ланге с бортов отцепил банники, их было шесть штук в

комплекте, по три на каждой стороне танка, передал нам по одному, и, соединив их, мы получили шомпол. Нам повезло, что они прилагались к танку. Последнее время постоянно чего-то не хватало, с заводов порой приходил недокомплект, и экипажам приходилось ходить и кланчить инструмент у других. Конечно, никто не отказывал, но это было неприятно само по себе и доставляло массу хлопот.

Обычно чисткой занимались все вместе, но сейчас времени было в обрез, и пришлось поднатужиться. Херманн поначалу пытался сально шутить, намекая на различные медицинские процедуры и проводя сексуальные ассоциации с чисткой ствола, но, обвиненный в извращенном восприятии действительности, быстро сдулся и лишь недовольно сопел.

Когда Шварц и Зигель справились с катками, мы еще елозили шомполом в стволе туда-сюда. Шварца я отправил караулить подход машин со снарядами и горючим, а Томас подменил Карла Ланге, который тут же полез ковыряться в двигателе.

Когда мы закончили, уже начало темнеть. Хуберт прислал молодого пехотинца сказать нам, что подвезли боеприпасы и бензин, и мы отправились их получать. Наши желудки к тому времени выводили громкие трели, жутко ныли руки и болели спины.

Шварц поджидал у грузовиков и, заметив нас, призывно замахал руками.

Снаряды транспортировались в деревянных ящиках, по три заряда в каждом. Отдельно – бронебойные, отдельно – кумулятивные. Сгружали их из кузова самостоятельно. Делали это впятером, иначе легко можно было надорваться.

Загрузкой снарядов в танк, естественно, тоже занимались всем экипажем, никто не ленился. Десятикилограммовые болванки вытаскивали из ящиков и передавали друг другу. Сначала подавали их через люк механика-водителя, где Шварц их бережно принимал и распределял в укладках на днище боевого отделения, а потом уже поднимали на башню и, опуская через люк заряжающего, укладывали на бортах корпуса и в башне. Всего в «тигр» умещалось девяносто два снаряда. Мы расстреляли не весь боекомплект, а потому получили восемьдесят болванок, большинство из которых были бронебойными.

Когда погрузка закончилась, сил у нас уже не оставалось. Арифметика простая – мы восемьсот килограммов перегрузили в нашу машину, руки наши отваливались, и единственным желанием было завалиться на землю и тихо сдохнуть.

Но на этом не закончилось.

В довершение всего нас ожидало «веселое» путешествие к танку с двадцатилитровыми канистрами с бензином. «Тигру» для полной заправки нужно двадцать семь канистр, но, слава Господу, мы не израсходовали и половины. Бедняга Ланге дополнительно еще мотался за маслом.

Бесчисленное количество ходок с канистрами и ящиками со снарядами вымотало нас окончательно, и когда привезли ужин, мы едва держались на ногах. Отдыхающие рядом гренадеры, глядя на наши измученные физиономии, сжалились над нами и послали бойцов принести нам еду.

Пехота всегда относилась к танкистам с уважением, а после сегодняшнего случая, когда наша машина помогла им в сложной обстановке и мы своим появлением в селе спасли много жизней, на нас смотрели восторженно. Поблагодарив ребят за помощь, мы с жадностью набросились на еду.

Ужин был горячим, и мы, обжигая глотки, запихивали в себя картошку со свиной, нещадно скребя ложками по алюминиевым котелкам. На десерт нам досталось по чашке дымящегося эрзац-кофе и крекеры с джемом.

У кого-то из пехотинцев нашелся шнапс, они предложили нам присоединиться, и вместе мы не преминули слегка отпраздновать сегодняшнюю победу. «Великой Германии» удалось отвоевать у русских немного земли, а это в нынешних условиях было важно.

– Ну и дали вы жару! – восторгался один из гренадеров. Голова его была перебинтована, но он держался молодцом. – Без вашей поддержки иваны выдавили бы нас из села.

– Да! – подхватил другой. – Они тут когтями за землю держались. Мы за каждую чертову избу сражались.

– Раз так, то тогда еще понемногу, – заулыбался Ланге, довольный, что ему оказывают такие почести. – Наливай мне побольше, ребята!

Но я сурово глянул на него, и он осекся:

– Мне чуть-чуть, на самое доньшко, – Ланге сник, косясь на меня, и подставил кружку разливавшему шнапс гренадеру.

– Герр фельдфебель! – окликнул меня сидящий слева гренадер.

Я обернулся к нему, но краем глаза успел заметить, что кружка Ланге наполняется до краев. Едва я хотел остановить его, как он опрокинул содержимое себе в глотку и удовлетворенно крякнул.

– Вот прохвосты! – гаркнул я, понимая, что меня обвели вокруг пальца, как нерадивого мальчишку.

Ланге виновато пожал плечами и опустил глаза, но на лице его играла лицемерная ухмылка. Отвлекавший меня гренадер прыснул в кулак, не сдержавшись, а Шварц громко заржал. Его поддержала вся компания, но смеялись все без издевки, по-доброму.

– Черт с тобой, – махнул я рукой, глядя на Ланге. – На первый раз прощу. Но если еще...

– Ни-ког-да! – отрапортовал он, скрывая притворство за маской напускной серьезности.

Я и сам был не против немного промочить горло, но слишком хорошо знал свой экипаж, чтобы дать им переусердствовать со спиртным. Все хорошо в меру, тем более в боевой обстановке. Завтра снова предстоял жаркий день, в этом был уверен каждый, кто тут находился. И мне нужна была полная отдача от каждого члена нашей маленькой команды. Трезвые и рассудительные мозги – вот что нам завтра понадобится.

Поблагодарив гостеприимных гренадеров, мы откланялись и вернулись к танку. День выдался чертовски тяжелым, и еще неясно было, кто кому задал трепку – мы русским или они нам.

Парни начали располагаться ко сну, но мне, несмотря на смертельную усталость, спать не хотелось – сказывалось нервное перенапряжение. Захотелось побыть в одиночестве, и я подумал, что неплохо было бы просто немного пройтись, чтобы забыться на время, если это возможно в наших условиях.

Послonyaвшись по разрушенной деревушке, я нашел какое-то бревно, из которого русский крестьянин соорудил подобие лавочки, сел и достал сигарету. Долго смотрел, как дым тонкой струйкой поднимается вверх. Небо было чистым, усыпанным мириадами ярких точек звезд.

Глава 4

– Вот ты где, дружище!

Я резко поднял голову. Передо мной стоял Отто Рау, целый и невредимый, а рядом с ним молодой унтер-офицер, командир «пантеры», которую мы подтолкнули во время боя.

– Отто! Рад, что ты живой! – я радостно вскочил, и мы пожали друг другу руки. – Присаживайтесь!

– Да, живой. Хотя потрепали нас сильно. – Он опустился на бревно рядом со мной.

Унтер остался стоять, переминаясь с ноги на ногу.

Посмотрев на него, Отто обратился ко мне:

– Позволь, Пауль, представить тебе моего приятеля Бруно Фишера. – Затем указал унтеру на меня и добавил: – А это Пауль Беккерт, героический командир «тигра».

Я попытался изобразить на лице смущение, но Отто отмахнулся:

– Ничего не хочу знать! Настоящий герой! – засмеялся он. – Я видел, как ты в село ворвался.

– Да брось, – мне вдруг и правда стало неловко от его слов. – Там даже времени подумать как следует не было.

– Бруно рассказал мне, как ты вытащил его из передраги, – продолжил Отто. – Вот, хочет поблагодарить тебя лично.

Парень кивнул, он явно волновался:

– Да, спасибо от всего экипажа. Я думал, нам крышка. Это ведь мой первый бой. По нам снаряды лупят, я уже молиться начал, а тут вы подоспели.

– Ты присаживайся, день тяжелый был.

– Спасибо, – он присел, но по-прежнему в нем чувствовалась неуверенность.

Мы с Отто для него были настоящими танковыми асами, и он стыдился, что так оконфузился в бою. Вероятно, как и большинство подобных ему юнцов, полагал прежде, что в первом же бою начнет крушить врага направо и налево и о нем тут же напишут в газетах.

– Расслабься, Бруно, – сильно хлопнул его по плечу Отто. – Я в первом бою чуть в штаны не наложил, и ничего. Пауль эту историю знает. Я тогда на «трешке» разъезжал. Снаряд долбанул прямо в смотровую щель, внутри все болты и клепки повывлетали. Пороховыми газами и гарью весь нос и глотку выжгло. Грохот, звон страшный стоит, я ничего не слышу, в глазах темнота кромешная. Даже сознание на время потерял. Танк остановился. Меня из машины вытащили, я очухиваться стал. Себя ощупываю – вроде цел. Но чувствую, что-то теплое по ногам течет. Думаю – вот позор... Оказалось, отлетевшим болтом мне ногу зацепило, и кровь по бедрам течет.

– Да, помню эту историю, – засмеялся я. – Не беспокойся, Бруно. Твой дебют, в отличие от старика Отто, прошел нормально. А то, что растерялся, так это с кем не бывает. Я, например, первое время блевал постоянно с непривычки. Мы – солдаты, и нам не зазорно бояться. Не боится только сумасшедший. Главное, страх направлять в нужное русло. А остальное придет с опытом.

– Верно, Пауль, – подтвердил Отто.

– Послушайте. – Мне не давало покоя странное поведение «пантер» на нашем участке, и я не мог не задать этого вопроса: – Что там с вашими «пантерами» случилось?

– И не спрашивай, – тяжело вздохнул Отто. – Мы с ними намаялись, еще пока сюда шли.

– Не понял...

– Мало того что танки не готовы для боя, – Отто чуть склонился ко мне и заговорил тише, – так еще этот чертов режим секретности. Представляешь, на занятиях по изучению танка нам было запрещено что-либо записывать. Ты сидишь в душном кабинете, тебя в сон

клонит, голова тяжелая, а записи вести нельзя. Запоминай! И инструктора, эти чертовы свиньи, лекции тоже читали по памяти. Мы даже толком на «пантерах» не ездили и не стреляли. Пару раз погоняли по полигону – и довольно. А действия подразделений в боевых условиях на уровне рот и батальонов? Да мы и слыхом об этом не слыхивали. Только на уровне взводов немного потренировались. Вот в реальном бою экипажи и превратились в безмозглое стадо.

Я прекрасно понимал Отто, ведь тоже первое время долго привыкал к «тигру» и сидел в машине с инструкцией, лихорадочно ее изучая. Командование требовало быстрых действий, и обучение проводилось в спешке, фронт нуждался в бронированной технике, на нас надеялись. А как тут все усвоишь, если неделями недосыпаешь?

– Я так тебе скажу, Пауль, – продолжал Отто. – Нам просто не хватило времени. Все делалось в спешке, «пантеры» не прошли должных испытаний. И вот теперь мы имеем потери. Я со своим танком тоже намаялся. То одно отлетит, то другое. Мы, когда на станции их получили и пошли сюда маршем, два танка просто сгорели по дороге.

– Мины?

– Какие, к черту, мины? – Отто посмотрел на меня как на умалишенного. – Еще партизан приплети! Чертовы двигатели, чертовы конструкторы! В карбюраторах топливо сгорает не до конца и попадает в выхлопные коллекторы. Растекается, и сам понимаешь, как легко может вспыхнуть. Электропроводка горела от этого. Вот мы два танка на дороге и оставили. Бруно свидетель.

Фишер в подтверждение кивнул.

– А экипажи?! В основном необстрелянные ребята типа Бруно. Ты извини, приятель, – Отто повернулся к Фишеру. – Не ваша вина, но это так. Бруно славный парень, но ему доверили чудо-агрегат, который выходит из строя без участия противника. Отлично! Русские могут ложиться спать, мы сами себя угробим!

– Не кипятись, – постарался я его успокоить. – Чего ты завелся?

– А завелся я оттого, что по сравнению с «пантерой» у русских танки сейчас – дерьмо. Я их могу на ствол насаживать с любой позиции, но они накатывают волна за волной, ты сам видел. И если мы их берем мощностью и дальностью стрельбы, то этого, друг мой, недостаточно. Мы тут второй день и уже потеряли несколько машин только из-за недоработок. Я – солдат и буду сражаться, даже сидя в консервной банке из-под датских шпрот, но куда смотрит командование?

Словно услышав смелое заявление Отто «сражаться, даже сидя в банке», русские неожиданно открыли огонь по селу. Большинство снарядов не долетало, и «концерт» был исполнен ими скорее для остротки, но шороху они понаделали. Все вокруг засуетилось, забегали в поисках укрытий, благо иваны и тут постарались нарыть длинные, глубокие траншеи. Я вжался в землю, закрыв уши ладонями. Отто и Фишер залегли рядом. В темноте яркими бутонами расцветали взрывы. Грохот стоял невероятный.

Обстрел длился всего пару минут – русские показали, что нам рано расслабляться. Судя по отсутствию новых разрушений в этом богом забытом селе, они даже не особо целились. Мы встали и отряхнулись. Отто и я выглядели совершенно спокойными, а вот Фишер заметно нервничал. Отто достал пачку «Р 6», дал нам по сигарете и прикурил сам. Мы снова, как ни в чем не бывало, уселись на лавочке. Некоторое время молчали, выпуская ароматный дым в небо.

– А связь? – вдруг в сердцах проворчал Бруно. – Представляешь, Пауль, нам запретили настраивать рации и выходить в эфир до начала атаки. Мой радист настраивал станцию, когда уже бой начался, и первое время я не мог понять, как действовать, куда двигаться.

– Так и было, – подтвердил его слова Отто. – Я лично поначалу надеялся исключительно на свои глаза и уши. А этого для такого массивного наступления маловато. Я должен вза-

имодействовать с другими машинами, работать в команде, а у меня в наушниках сплошной треск.

– Удивили вы меня, конечно, – сказал я. – В эфире «пантер» не слышно, оглядываюсь, танки идут вразброд. Как действовать – непонятно. Впереди минные поля, а вы туда прете.

– А ты, Пауль, – Отто хитро прищурился, – поменяйся с нами машиной, тогда посмотрим, кто вразброд пойдет в бою.

– Ты же «тигр» не знаешь, – ухмыльнулся я.

– Но ты-то едешь, значит, и я научусь.

– Да, «тигр» великолепная машина, – ответил я, глубоко затягиваясь. – Меня после ранения отправили на переподготовку, посадили на «тигр», долго учили управлять им и только потом направили в дивизию «Великая Германия». Я сначала расстроился, ты-то с нашим пятисот вторым батальоном остался. А я один, без наших ребят. Но, как увидел танк, – обомлел. Я и раньше видел «тигр», но осознание того, что это твой танк... Великолепная, мощная машина! Броня толстенная, в управлении легок. Вершина современной техники.

– Так, я и говорю... – начал Отто, но я его перебил:

– У «тигра» тоже были свои «детские болезни». И в твоём рассказе про «пантеры» нет ничего нового. У наших тоже поначалу часто горела трансмиссия, перегревался двигатель, с ходовой проблемы были. Мы тоже намучились.

– Но не так же!

– Ясно одно, – спокойно продолжил я, – и сегодняшний день доказал это.

Отто смолк, вопросительно глядя на меня.

– Русским нечего нам противопоставить, кроме своей дикарской ярости и упрямства. Если во время атаки мы будем держать их на расстоянии, они вообще ничего не смогут сделать. Мелкие поломки «пантер» не в счет. Можно подумать, что у русских машины не ломаются. Да и грех тебе жаловаться. У тебя лобовая броня такая, что им ничем ее не пробить.

– Да, – задумчиво подтвердил Отто. – Восемьдесят миллиметров им не взять своими пушками.

– А у русских «тридцатьчетверок» всего сорок пять. Хоть иваны и сумасшедшие, и в лобовую с нами идут, но только толку от этого для них никакого. Вот когда обходят сбоку, у них шанс появляется. Так что не надо жаловаться на мелкие поломки. У тебя такая мощная машина, что подобные жалобы больше напоминают придирки. Если бы у иванов появилось такое оружие, нам бы туго пришлось. А так – жги их и жги одного за другим, старайся просто близко не подпускать. И вот что я еще заметил...

Я поднялся, приглашая Отто и Бруно следовать за мной:

– Пойдемте, покажу вам кое-что.

Неподалеку стоял подбитый Т-34. Втроем подошли к нему, и я осветил фонариком. Из пробоины и открытых люков все еще вился слабый дымок. Русская машина сгорела изнутри вместе с экипажем.

Танк схлопотал выпущенный «пантерой» бронебойный снаряд. Удар был настолько сильным, что люк механика-водителя сорвало с одной петли и стальную пластину завернуло внутрь.

– И что? – удивился Отто. – Много уже таких повидал.

Я провел рукой по броне танка, она была еще теплой.

– Потрогай.

Отто непонимающе поводит рукой по броне.

– Ну и что? – повторил он удивленно.

– А то, что поверхность стала более грубой и цвет брони, я еще днем углядел, более темной. Качество стали хуже. Русские тоже штампуют танки в спешке. Погляди на сварные швы. Я удивлен, что эта колымага не развалилась пополам после попадания снаряда. Понимаю, ты расстроен из-за наших недостатков и недоделок. Но то, что несколько «пантер» поломалось,

не самая большая проблема. Ведь основная их часть в строю и крошит русских. И там, где русские пытаются взять числом, мы возьмем мощью наших танков. Пойми, в наших руках сейчас самое совершенное оружие!

– Прав ты, конечно, – тяжело вздохнул Отто. – Просто устал я за последнее время. Мы должны были прибыть на место еще третьего. Дорога после сильных ливней раскисла, постоянные поломки, все на нервах. И сразу в бой. У кого хочешь нервы сдадут.

Фишер стоял, восхищенно осматривая подбитую «тридцатьчетверку», затем долго разглядывал входное отверстие.

– А ты, Бруно, как отстрелялся сегодня?

– Мы, кажется, никуда не попали... Израсходовали почти весь боекомплект, и все как-то мимо.

– Ничего, дружище, – успокоил его Отто. – У тебя все впереди. Будет столько же наград, как у нашего Пауля.

– Не слушай его, – улыбнулся я. – Всего-то Железный крест второго класса.

– А за танковое сражение? А за рукопашный бой? – не унимался Отто. – Видишь, Бруно, как он любит у нас поскромничать.

– Хватит, – отрезал я. – И вообще, Бруно, как ты умудрился сдружиться с таким болтуном? Я еще в сорок втором хотел его пристрелить.

Мы дружно рассмеялись.

Конечно, Отто был прав, и награды у меня имелись. Больше всего я гордился знаком «За рукопашный бой». Может показаться странным, откуда у танкиста награда пехотинца, но на этой войне всякое бывало. Мои танки несколько раз были подбиты на линии фронта, и нам с экипажем приходилось выбирать, используя исключительно свои силы и стрелковое оружие.

Один раз пришлось особенно тяжело. Было это весной сорок третьего года на подступах к Харькову. Погода стояла отвратительная, земля была еще мерзлой, но постоянно лили дожди, и на изъезженных дорогах мы едва ли не по самую башню утопали в грязи. Измотанные, грязные и продрогшие, мы медленно продвигались по раскисшим русским дорогам, чтобы сразу вступить в бой. Наши войска долго не могли взять одну высоту, и для этого им понадобились мы.

Едва первые «тигры» сошли с конвейера, командование было радо заполучить такую мощную бронетехнику в поддержку пехоте, но использовало ее самым идиотским образом. Впервые «тигры» применили в боях под Ленинградом, где они сразу увязали на узких просеках, на которых тяжелые машины могли двигаться только в колонну по одному. Естественно, они становились легкой мишенью для советской артиллерии. Собственными глазами видел, как намертво застрявший в болоте танк пришлось подорвать, предварительно сняв с него все оптические приборы.

Также не учитывали, что «тигр» совершенно не приспособлен к боям в городских условиях. На открытом пространстве это маневренная и быстроходная, несмотря на габариты и большой вес, машина. В поле ему не было равных, да и сейчас нет. Но в большом населенном пункте, где бой идет за каждый дом, где в каждом окне может находиться солдат с противотанковым ружьем или связкой гранат, а в любом подвале поджидать хорошо замаскированная пушка, «тигр» походил на слона в посудной лавке. Он сразу становился неуклюжим и неповоротливым, ему было тесно в городе. Так же тесно ему было в лесной, заболоченной зоне.

Мы тогда атаковали стратегически важную высоту, но наткнулись на ожесточенное сопротивление русских. Наше командование, наученное горьким опытом, уже не отправляло в бой тяжелые машины в одиночку. «Тигры» теперь использовались исключительно в составе взводов и рот. Обычно мы клином врывались на вражеские позиции, предварительно обстреливая их с дальней дистанции, а дальше действовали средние танки и гранадеры.

В тот день поступили так же. Но два танка из нашего взвода подорвались на минах, повреждения были несерьезными, однако дальше двигаться они не могли. Третий был расстрелян

из противотанкового орудия с близкого расстояния и сгорел. Хорошо, что экипажу удалось спастись. «Трешки», участвовавшие в прорыве, безнадежно плелись позади, и толку от них не было никакого.

Наш «тигр» остался один, и русские направили на него всю мощь своих орудий. Снаряды били по танку не переставая, каждый удар отдавался звоном в ушах. Нас подбрасывало и раскачивало. Казалось, еще одно точное попадание, и танк расколется, но броня выдерживала.

Мы находились посередине поля, когда русским удалось повредить трак. Гусеница сползла, танк замер. Так как мы были ближе всех к позициям русских, а атака фактически захлебнулась, иваны решили провести контрудар и захватить наш танк.

Сначала мы держали их на расстоянии, стреляя из пушки, но один вражеский снаряд повредил механизм вращения башни, ее заклинило. Орудие оказалось бесполезным, рация была повреждена. Мы отстреливались от наступавшей пехоты из пулеметов, но долго так продолжаться не могло. Наше командование, в свою очередь, отдавать такой шикарный трофей в лапы иванов не собиралось, и нас, как могли, прикрывали, тоже готовясь предпринять бросок.

Надеясь на это, мы решили сидеть в танке до конца. К несчастью, вражеский снаряд попал в одну из защитных дымовых шашек, которые крепятся на башне по три штуки с обеих сторон. Шашки сдетонировали, и «тигр» заволокло едким дымом. Мы полностью утратили видимость, оставаться на месте стало рискованно. Пришлось выбираться через эвакуационный люк.

Дым разъедал глаза и раздирал горло, дышать невозможно. Вооружены мы были пистолетами «люгер» и «вальтер», еще имелся один МП-40 с тремя запасными магазинами. Снаряды сразу попали под обстрел пехоты и вынуждены были закрепиться в ближайшей воронке. Нас взяли в кольцо, и до сих пор удивляюсь, как мы со Шварцем тогда остались целы.

Потом было много различных ситуаций, но тогда я в первый раз по-настоящему испугался. Мы были совершенно одни на этом чертовом поле, нас окружал противник, и мы уже не надеялись на спасение, даже попрощались друг с другом.

Патроны быстро закончились. Красноармейцы в бурых шинелях накинулись на нас, началась рукопашная схватка. Меня повалил в грязь здоровенный русский и уже хотел прирезать, как свинью, занеся надо мной нож, но тут подоспел Шварц, сбил его с меня. Я лежал в грязной жиже не в силах подняться, и оставалось только молиться, но тут, на счастье, подоспели наши «трешки» и гренадеры. Иванам пришлось отступить ни с чем. Командование было довольно, что дорогостоящий «тигр» не достался врагу, вот только трое из нашего экипажа были мертвы. Позже их место заняли Ланге, Херманн и Зигель...

Было глубоко за полночь. Утром предстояли жаркие бои, нужно было отдохнуть и набраться сил. Мы стали прощаться.

– Рад был повидать тебя, дружище, – сказал Отто.

– Взаимно, старина.

Мы обнялись.

– Спасибо тебе, Пауль, – протянул руку Бруно. – Ты вселил в меня уверенность.

– Пустяки, – я отмахнулся.

– А знаете что, друзья, – лицо Отто осветила ракета, и при свете ее оно показалось серым и морщинистым, оледеневшей маской.

– Что? – спросили мы одновременно.

– У меня в танке припасены гостинцы из дома. Настоящий коньяк, шоколад. Предлагаю завтра после боя распить эту бутылку, устроить небольшую пирушку.

– Согласен, – кивнул я.

– С удовольствием присоединюсь, – радостно подхватил Бруно.

– Отлично! Тогда до завтра, дружище.

– До завтра, – я еще раз пожал им руки, и они исчезли в темноте, а я побрел к своему экипажу.

Ночь была теплая, и мои ребята спали у танка. Пижон Зигель достал из ящика свою подушку и похрапывал, растянувшись на броне. С наших позиций вверх запускали осветительные ракеты. Они падали медленно, лениво, и ночь уже не казалась такой темной. На душе становилось тоскливо, когда яркий огонек затухал во тьме.

Я присел, облокотившись о гусеницу, закурил сигарету и долго смотрел на звездное небо. «Сколько человек по обе стороны линии фронта, – думалось мне, – вот так сидят сейчас, глядя на звезды, и размышляют об одном и том же – удастся ли им еще разок увидеть это небо...»

Глава 5

Выспаться не удалось. Ночью нас растолкал адъютант командира роты и передал приказ срочно выступить к Черкасскому на помощь гренадерам. Войска там увязли в уличных боях, и им требовалась мощная огневая поддержка. А что может быть мощнее закованной в стальную броню 88-миллиметровой пушки, поставленной на гусеницы, которые в движение приводит двенадцатицилиндровый карбюраторный двигатель с водяным охлаждением?!

Я чувствовал себя полностью разбитым, но ребятам было еще хуже. Вчера они все-таки перебрали с гренадерами и теперь страдали не только болями в мышцах, но и суровым похмельем. Виду они, конечно, старались не подавать, опасаясь моего гнева, но это и так было слишком заметно. Херманн даже пытался показушно насвистывать пересохшими губами брагурную песенку, но я с ними воевал не первый день и сразу все понял.

Перед боем выговаривать им – себе хуже: начнут нервничать, суетиться. Хуже того, наверняка будут лезть в бой на рожон, дабы выгородить себя. Но я и без того знал, что могу на этих парней положиться, и они никогда не подведут, в каком бы состоянии ни были. А потому не стал ругаться и сделал вид, что ничего не заметил.

На помощь авиации при проведении операции в кромешной темноте надежды не было, поскольку противоборствующие стороны в Черкасском так перемешались, что была высокая вероятность ударить по своим. С «тиграми» гораздо проще: корректировщики огня передавали нам координаты, и мы отсылали снаряд за снарядом по намеченным целям. Так до самого рассвета обстреливали русские позиции, израсходовав почти весь боезапас.

Бой закончился только ближе к утру, когда начала заниматься заря и серое небо едва стало светлеть. Огромными усилиями удалось выбить русских из Черкасского, да и то лишь сровняв все вокруг с землей. От села не осталось и следа. Не уцелел ни один дом, все было сожжено дотла.

Утреннее солнце осветило ужасающую картину: торчащие из пепелищ обугленные кирпичные печи, выкорчеванные с корнем деревья вдоль дорог, искореженная техника, трупы людей и лошадей. То, что не разбомбили мы, довершал огонь. Смерд стоял такой, что хотелось прикрыть нос рукой. Я оглядывал развалины, и мне не верилось, что за каких-то несколько часов мы превратили большой населенный пункт в часть истории. Мы стерли его начисто с географических карт, оставив в памяти только название.

Потом была пара часов крепкого сна. Мы отдыхали на своих местах, не в силах даже выбраться из танка. Гренадеры еле разбудили нас, крича и долго колошматя прикладами по броне. Пока мы отдыхали, вокруг произошли серьезные перемены. То, что еще недавно было передним краем, становилось глубоким тылом. Вокруг сновали пехотные подразделения, подтягивалась техника, подъезжали тыловые и ремонтные службы.

Мы выбрались из «тигра», попытались размять затекшие члены. Оказывается, подвезли боеприпасы, которые нужно было срочно перекидать в наш танк. Услышав новость, Ланге обхватил голову руками и простонал:

– Когда же это все кончится?!

У нас не было сил, но, слава Господу, на выручку пришли ребята из пехотных подразделений. С их помощью мы снова загрузили «тигра» под завязку. Хотя командирам танков не рекомендовалось привлекать гренадеров для личных нужд, мне сейчас было наплевать на уставы. К тому же мы делали общее дело, а взаимовыручка в вермахте стояла не на последнем месте.

После погрузки нам удалось плотно перекусить. Тем временем передислокация частей продолжалась. Новые подразделения подходили к селу, а точнее, к тому, что от него осталось. К Черкасскому подтянулся и тридцать девятый полк. Я пытался разглядеть машину Отто, но во всей этой суете его машины и «пантеры» Бруно заметно не было.

Гауптман Клог, вернувшись с совещания ротных, собрал командиров экипажей у своего «тигра» и сообщил, что на этот раз нам предстоит после авиационной и артиллерийской подготовки выступить к селу Луханино и сегодня же взять его. Совещание командиров машин было коротким. Клог завершил его словами:

– Я знаю, друзья, сейчас всем тяжело, и мы несем неоправданно большие потери. Но успех не за горами. Мы несколько отстали от графика, но сейчас усиленно наращиваем темп и, закрепившись в Луханино, выйдем ко второму оборонительному рубежу русских. Основной нашей целью, как и прежде, является Обоянь. А сейчас, господа, сверим часы.

Все было предельно ясно. Чтобы не дать иванам опомниться, наши передовые отряды должны на крейсерской скорости ворваться в Луханино и взять село под свой контроль. На словах звучало незатейливо, на деле снова обернется тяжелейшими кровопролитными боями. Русские нам уже вчера успели показать, что они думают о грандиозных планах нашего командования...

Я вернулся к своей машине, чтобы донести до экипажа новые сведения. Пока я был у Клога, мои парни успели умыться и выглядели если не свежо, то хотя бы перестали быть похожими на мертвецов, вылезших из могил.

– Действуем по той же схеме, – начал я, расстелив карту. – Самое важное – суметь обойти минные поля вот здесь и здесь, – я карандашом обвел на карте места, где по донесениям разведки были заложены мины. – Вот тут по сторонам русские наверняка устроят засады, поставив орудийные расчеты. Скорее всего, будут загонять нас на минные поля или вынудят подставить им бок. Схема старая и, к сожалению, пока действующая.

– Может, постараемся их обойти здесь? – спросил Ланге и грязным обломанным ногтем провел линию на карте.

– Не получится, – ответил я. – Тут понатыкано ежей, и заболоченные глубокие рвы. Мы или уткнемся, или утопим машину.

– Что же делать? – сдвинул кепку на затылок Зигель. – Иначе нам не пройти.

– Будем двигаться, как и предполагается, но в нужный момент вот тут ты, Карл, даешь по тормозам и резко берешь вправо. Поворачиваемся и в лоб расстреливаем артиллерию.

– А если там никого не будет? – задумчиво спросил Шварц. – Мы же будем выглядеть полными идиотами. Ехали-ехали, а потом бок подставили да еще в кусты постреляли. Клог башку нам оторвет, а остальные экипажи ржать над нами будут до парада в Москве.

– Не волнуйся, – обнадежил его я, – они там будут. Слишком выгодная позиция, чтобы ей пренебречь.

– Как скажешь, – Шварц равнодушно пожал плечами.

– А теперь по местам. Сейчас начнется концерт в исполнении 8-го авиакорпуса люфтваффе, артиллерии «Лейбштандарта» и «Дас Рейх», а я не хочу его пропустить.

– Такое не пропустишь, если даже очень захочешь, – ухмыльнулся Херманн. – У нас билеты в первом ряду.

– Хоть и обожаю я такие представления, – потянулся Ланге, залезая в люк, – но лучше бы сейчас поспать.

– В Луханино отоспишься, – отрезал я.

За ночь все вокруг обильно покрылось росой и, залезая на танк, я поскользнулся и чуть не завалился на спину.

– Аккуратнее, командир, – зевнул Ланге. – Если свернете себе шею, то я в бой без вас не пойду. Горевать тут останусь.

– Спасибо за теплые слова, – пробурчал я.

Настроение было паршивым. Все тело после вчерашних физических упражнений и тяжелого ночного боя ныло, любое движение вызывало на лице гримасу боли. Остальные члены

команды чувствовали себя не лучше. Экипаж с кряхтением и недовольным ворчаньем занял свои места.

– Вилли, ты ленты заправил? – на всякий случай спросил я по внутренней связи, посчитав, что в таком состоянии парни могут что-то и подзабыть.

– Да, – ответил стрелок-радист.

– Рацию проверил?

– Так точно!

– Ефрейтор Ланге! С проводкой все в порядке? Проблем не будет?

– Все в порядке, – в наушниках было слышно, как Карл подавил очередной зевок.

– Герр фельдфебель, – не дожидаясь моего вопроса, отчеканил Томас. – Ефрейтор Зигель занял свое место, проблем не обнаружено. К бою готов!

– Молодец. Обер-ефрейтор Шварц?

В ответ тишина.

– Шварц! – гаркнул я.

– Что? – раздался встревоженный голос заряжающего.

– Ты спишь там, что ли?!

– Никак нет, герр фельдфебель.

– Смотри у меня! – пригрозил я и взглянул на часы. Было без двадцати девять, вот-вот должен был начаться обстрел русских позиций: – Ланге, заводи!

Одновременно взрвали десятки двигателей, сотни солдат в ожидании приказа к началу наступления поправляли амуницию, смотрели на часы и выкуривали по сигарете, которая для многих могла стать последней. Вермахт был готов к очередному броску, а русские усиленно готовились к обороне. Наверняка и ночью у них не стихала работа. Порой я поражался их трудолюбию и упорству, иногда мне казалось, что отчаянные подвиги они совершают по велению сердца, а не из-под хлыста жидо-большевистской гниды во главе со Сталиным. Слишком рьяно они сражались. Хотя чему тут удивляться – ведь мы ходили по их земле. Как бы я поступил на их месте? От одной этой мысли о возможности такого становилось не по себе...

Сначала, как обычно, вперед ринулись «юнкеры». Шварц вылез из люка и попытался их сосчитать, но где-то на сорока сбился. Я высказал предположение, что их вдвое больше. Они сначала летели высоко, но затем теряли высоту и устремлялись на иванов. Порой казалось, что один из них вот-вот не сможет выйти из пике и воткнется в землю, но все обошлось. Стоял ужасающий вой, который вскоре сменился грохотом разрывов.

– Ну и молотилка! – восхищенно орал во все горло Шварц, но его было едва слышно.

Артиллерия не заставила себя долго ждать. Десятки дальнобойных орудий и шестиствольных минометов «Небельверфер» разногласо ухнули по русским. Снаряды, выпущенные минометом, оставляли дымовые следы, и мы с упоением глядели вдаль. Интенсивный огонь длился несколько минут, потом резко оборвался.

Я надеялся, что разведданные у летчиков и артиллеристов были верными и мощь нашего огня отобьет у русских желание драться. Хотелось верить, что «пантеры» больше не будут двигаться «стадом» и их проблемы со связью решены.

Артобстрел взбудоражил, поднял настроение, и я почувствовал себя гораздо бодрее, будто и не было этой бессонной ночи, ужасного боя в темноте, тяжелых физических и моральных испытаний. Я ощутил прилив сил, мне уже не казалось, что нас ждет впереди нечто страшное, и теперь искренне верил, что там, за этим полем, вермахт ожидает очередная победа. Похоже, что мое настроение передалось и всему экипажу. Зигель затянул «Танковую песню»:

В шторма или в снег,
Или в солнечный зной,
И в жаркий денёк,

И в ночи ледяной...

Песню подхватил Шварц, за ним забасил и Херманн:

Покрыты пылью лица,
Но прочь ушла печаль,
Ушла печаль,
Прносятся танки,
Бронёй грохоча.

А потом уже и мы с Ланге, у которого с рождения не было слуха, и он всегда отчаянно фальшивил, присоединились к остальным и допели ее до конца:

Когда шальные пули
Сердца пронзят стрелой,
Пронзят стрелой,
Нам станет могилой
Наш танк боевой¹.

Эту старую песню танкистов написал некий обер-лейтенант аж в тридцать третьем году, но она как нельзя лучше передавала наш теперешний боевой дух. Мы почувствовали себя намного лучше, из пятерых измотанных тяжелыми боями и недосыпанием солдат снова превратились в единый стальной кулак.

Надо понимать, насколько каждый член экипажа ценен в отдельности и в то же время является неотъемлемой частью, незаменимым винтиком огромного и сложного механизма под названием «тигр». Со стороны может показаться, что у каждого есть только свои непосредственные обязанности и он должен их выполнять, тогда танк будет максимально боеспособен. Наводчик занимается орудием и башней, механик-водитель – управлением танка, заряжающий – вставляет снаряды в казенник орудия и выбрасывает отстреленные гильзы, стрелок-радист – обслуживает рацию, отвечает за связь и строчит из пулемета. А командир лишь следит за точным исполнением работы экипажа. На деле все гораздо сложнее.

Многие задачи выполняются в комплексе. Например, наводчик имеет в своем распоряжении сочлененный бинокулярный прицел, окуляры которого неподвижно закреплены и дают весьма скромный обзор – всего порядка двадцати трех градусов. Естественно, обнаружение потенциальных целей ложится на мои плечи, так как из командирской башенки я имею отличный обзор. Вычисление примерного расстояния до них – тоже моя забота. Наводчику дистанцию определить в бинокулярный прицел весьма сложно, ибо он увеличивает объект в два с половиной раза.

Здесь незаменим механик-водитель, который мне помогает определить расстояние до цели. Я провожу необходимые расчеты и сообщаю данные наводчику, который, руководствуясь ими, наводит орудие. Заряжающий получает от меня команду о типе снаряда. Стрелок-радист в это время контролирует подступы к танку. То есть каждый выстрел – это совокупность действий всего экипажа. И такие вещи, как взаимопонимание, а если говорить по-другому – психологическая совместимость, являются очень важными факторами.

Наш «тигр» со стороны выглядит огромным и массивным. Зато внутри достаточно места. Насколько я знаю, «тигр» – единственный в мире танк, в котором экипажу просторно, что является предметом черной зависти остальных танкистов. Здесь нет ничего лишнего. Отто,

¹ Перевод Р. Фёдорова.

например, поведал мне, что их «пантеры» оснащены приборами для подводного вождения. Мало того, что оно в поле совсем неуместно, так еще занимает много места.

С другой стороны, каждый полезный сантиметр в «тигре» занят необходимыми вещами. Позади моего сиденья укреплены ящики с сигнальными ракетами и запасными деталями к оптике, брезентовые карманы, держатели с флягами, противогаз, а справа – совсем близко казенная часть орудия, которая делит башню надвое.

Подо мной располагается наводчик Зигель, его место оборудовано кроме оптики еще и циферблатным указателем положения башни. С орудием спарен 7,92-миллиметровый пулемет, стрельба осуществляется Зигелем механически при помощи педали.

Справа от наводчика, отделенного казенником пушки, восседает наш заряжающий Шварц. Мы втроем занимаем башню. Место механика-водителя Ланге слева в передней части корпуса, а стрелка-радиста Вилли Херманна справа. У Вилли по левую руку рация, а справа – ящики с патронами. В бою он использует модифицированный пулемет МГ-34. Механику и стрелку удобнее всего, у них больше места, и они при желании могут спать там, вытянувшись во весь рост.

Естественно, огромную часть пространства занимают боекомплект и запасные канистры с бензином. Но, несмотря на все это, мы впятером всегда чувствуем себя в танке комфортно...

Я натянул очки и поправил головные телефоны. Одно ухо я всегда оставлял открытым, ибо оба наушника заглушали и притупляли остальные чувства. Так делали почти все наши танкисты. Конечно, для командира главное глаза. Он первым видит вспышку выстрела и отмечает, откуда он был произведен. Но и слух тоже весьма важен в бою.

– Вперед! – скомандовал я.

Мы рванули с места, обогнули развалины Черкасского и понеслись навстречу русским позициям. Нам предстояло пересечь большое открытое пространство, и я искренне надеялся, что на моей карте обозначены все минные поля. Мы шли на предельной скорости по русской степи. Казалось, что иванов и след простыл. Создавалась иллюзия, что их не существует, они давно драпают, и мы вот так без боя доедем до нашей цели.

Но русские были там. И они нас ждали...

Глава 6

Целый рой Ил-2 с ревом обрушился на нас. Иваны платили нам той же монетой. Я испытал жуткий страх, видя, как на меня на небольшой высоте, на полной скорости мчатся русские самолеты, которые мы между собой называли «Черная смерть» или «Чума».

«Чума» сбрасывает противотанковые авиабомбы с кумулятивной боевой частью, прожигающие танк насквозь. Ил-2 уже успели показать себя раньше, и я видел, что происходит с танками и их экипажами после такого «гостинца». Теперь наша жизнь зависела от случая. Ничего не оставалось, как продолжать движение и надеяться на лучшее. В моей голове бешено закрутились строчки «Танковой песни», которые могли оказаться пророческими:

Злодейка-судьба
Вдруг исчезнет вдали,
Уже не увидим
Родной мы земли...

Я с трудом поборол желание выбраться к чертям из машины и бежать обратно в тыл.

...Нам станет могилой наш танк боевой...

Наверное, каждый из нас сейчас боялся такой участи. Бомбы падали со страшным свистом. Тонны вырванной ими при взрывах земли летели во все стороны. Все вокруг снова сокрылось в дыму и пыли, я практически ничего не видел. Тем более ничего не видел и Ланге.

– Продолжай движение! – крикнул я ему, одной рукой протирая очки, а другой крепко уцепившись за край командирской башенки.

Слева раздался чудовищный грохот, лицо обожгло мощной горячей волной, метрах в трех от нашего «тигра» пролетела башня соседнего танка. Она пронеслась в воздухе, будто и не весила несколько тонн. Пролети она чуть ближе, и снесла бы нас. Все произошло настолько быстро, что никто из экипажа этого не заметил, да я и сам минуту спустя сомневался, что такое могло произойти в действительности.

Другая бомба рванула справа, подняв в воздух и бросив на наш танк целый водопад земли. Ударь снаряд немного ближе, и я бы не удивился, если бы нас перевернуло, и мы, как поставленная на панцирь черепаха, барахтались, беспомощно вращая гусеницами.

Мы попали в тяжелую ситуацию. Одно меткое попадание авиабомбы – и нам всем конец. Такая «игрушка» может легко пробить «тигр» насквозь. Здесь, на равнине, мы были для советских летчиков отличными мишенями, и они не жалели для нас бомб. Единственное, о чем я сейчас молился, так о быстрой смерти. Лучше погибнуть мгновенно, чем гореть заживо.

Но и русским пришлось не сладко. Нам на выручку прилетели «фокке-вульфы». Они не уступали «Чуме» в вооружении и были так же хорошо бронированы спереди, но отличались большей маневренностью, а потому русские опасались вступать с ними в бой один на один.

Сквозь пелену дыма я видел, как «фокке-вульфы» начали выдавливать русские самолеты. Воздушный бой был яростным и жестоким. Вот один из Ил-2 загорелся, в секунду превратился в огненную комету и с грохотом врезался в землю. Рванули топливные баки, столб огня и черного дыма взвился вверх. Другой самолет развалился на наших глазах. Длинное крыло, выделывая в воздухе кульбиты, упало далеко позади нас.

Но и иванам удалось подбить один «фокке-вульф». Оставляя за собой длинный след, он с воем пронесся над нашими головами, пошел по большой дуге, постепенно снижаясь, и исчез из поля зрения. Оглушительный взрыв довершил его полет.

Русские летчики отступили, и мы могли продолжать движение, не боясь авиабомб. Я оглянулся и обмер: эскадрильи «Чумы» успели вывести из строя несколько САУ и танков, среди них «пантеру». Маловероятно, что их экипажи выжили. Я надеялся, что моего друга Отто сия кара миновала, да и застенчивый Бруно пришлось мне по душе.

Не успели мы перевести дух, как ударила русская артиллерия. Я забрался внутрь танка и закрыл люк. Карл Ланге показывал чудеса вождения, лавируя между воронками. В «тигр» несколько раз попали, но болванки отлетали от брони. Удары стучали по корпусу, гулом отдаваясь в ушах, но даже мало-мальского ущерба машине снаряды не причиняли.

Обстрел артиллерии тоже нанес некоторый ущерб нашим войскам. Я слушал переговоры командиров других танков, и временами до меня доносились искаженные помехами крики о том, что та или иная машина выведена из строя. Я боялся в одном из этих сообщений услышать голос Отто Рау.

Внезапно русская дальнобойная артиллерия прекратила пальбу, и это означало только одно – сейчас в контратаку пойдут их танки. Приказав Ланге сбавить скорость, я высунулся из люка и прильнул к биноклю. Даже на открытом участке местности из-за дыма и гари после разрывов авиабомб и снарядов видимость была отвратительной. И все же вдалеке я разглядел маленькие точки приближающихся русских танков.

«Тигры» нашей роты по-прежнему шли в авангарде. Мы замедлили ход и приготовились к стрельбе. Уже можно было различить отдельные машины. Особенно четко выделялись высокие, несуразные башни двух танков КВ-1. Они всегда были хорошими мишенями, и, несмотря на мощную броню, им редко удавалось подойти к нам достаточно близко, а потому их все реже можно было встретить на поле боя.

– Цель на одиннадцать часов, семьсот метров, броневой бой!

Мы остановились, грохнул выстрел.

– Промаях! – резюмировал я, разглядывая в бинокль надвигающуюся машину КВ-1.

Только с третьего выстрела наш снаряд подбил его, и танк замер. Тем, кто находился внутри, не позавидуешь. Второй русский КВ-1 тоже остановился, подбитый кем-то из наших с правого края.

Вражеские танки стремительно сокращали расстояние. Пока они не представляли для нас угрозы, а мы били их одного за другим. Но русские уже показали в предшествующих боях, что сил и средств они не жалеют и жалеть не собираются. Различить силуэты их машин можно уже было и без бинокля. В бой неслись «тридцатьчетверки», за ними тащились английские пехотные танки «Черчилль» и несколько американских М3 «Ли». Последние напоминали скорее пресс-папье, чем боевую машину, а «Черчилль» был черепахой среди танков – имел хороший панцирь и так же медленно ползал. Лобовая броня его не уступала толщине брони «тигра», но с близкого расстояния наше орудие с легкостью разделялось с ним, чем не мог похвастаться экипаж самого «Черчилля», имевший всего сорокамиллиметровую пушку. Ну а М3 при прямом попадании просто разлетался в щепки.

Вспомнил, как читал в газете «Восточный фронт», что русским эти танки передавали в безвозмездное пользование американцы. Хитрые янки опасались за свою шкуру и держали оборону чужими руками. Самое забавное, что по договору после окончания боевых действий оставшаяся целой и невредимой техника должна была возвратиться обратно в Америку. Но возвращать американцам будет нечего, да и некому. Когда мы сломаем хребет Советам, наступит очередь янки...

Сейчас нашей первейшей задачей было уничтожить в первую очередь как можно больше проворных «тридцатьчетверок», прежде чем они выйдут на пятисотметровую дистанцию.

– Цель – двенадцать, шестьсот, броневой бой! – отдал я распоряжение, и тут же грохнул выстрел. В бинокль я видел, как «тридцатьчетверка» завертелась на месте. Мы повредили ей гусеницу.

– Томас, – крикнул я наводчику, – в следующий раз бери чуть выше.

– Слушаюсь, командир!

Я волновался. Каждое попадание засчитывали экипажу танка, велся строгий учет побед. И мне не хотелось, чтобы мои победы присваивал кто-то другой.

Рядом с танками бежала русская пехота, некоторые красноармейцы забрались на броню своих машин и мчались на них навстречу смерти. Одна из «пантер» очень удачно попала в Т-34, и пехотинцев разметало, как тряпичных кукол. Танк загорелся, экипаж быстро покидал объятую пламенем машину.

С нами поравнялись «пантеры», и тоже открыли ураганный огонь. Я поискал глазами и увидел среди них машину с номером «408». Отто чуть ли не по пояс высунулся из люка и разглядывал цели в бинокль. Я был рад, что он снова рядом, живой и здоровый. «Ничего, – сказал я себе, – займем это чертово Луханино и отпразднуем победу хорошим коньяком!»

Русские, несмотря на потери, продолжали наступать. Они по-прежнему пытались подобраться к нам на расстояние выстрела. Мы же, оставаясь на месте, стреляли без остановки, сокращая их количество. Упрямству иванов можно было позавидовать. Мы превосходили их в мощи и, возможно, в числе. Слишком много наших танков пожгли советские самолеты.

Бой был в самом разгаре.

– Два часа! Пятьсот! Бронебойным! – командовал я, а Зигель разворачивал башню в нужном направлении и выпускал снаряд за снарядом. – Три часа! «Тридцатьчетверка»! Бей!

Мы потеряли счет времени и выпущенным снарядам. Наши танки рассредоточились на позиции, и теперь экипажи отыгрывались за вчерашний день, когда иваны зажимали нас в узких местах и расстреливали в упор.

Ситуация понемногу начала стабилизироваться, численный перевес был уже точно за нами, и роте «тигров» был дан приказ продолжить наступление и занять один из рубежей. Мы двинулись вперед. Я еще раз сверился с картой. Впереди было то узкое место, где, как мне казалось, могли поджидать русские пушки.

– Ланге! Проходим еще сто метров и резко вправо!

– Боюсь, командир, – взволнованно произнес Карл, – что они начнут бить раньше!

– Выполняй!

Ланге мог оказаться прав, но я полагал, что, если в том месте действительно укрылась русская батарея, они подпустят нас максимально близко. Им надо ударить по нам наверняка, попасть в топливные баки, уничтожить машину, сжечь ее. Надеяться, что у них не выдержат нервы и они раскроют себя раньше, не приходилось – у иванов крепкие нервы, выждать они умеют.

– Помогите нам, Господи... – раздался в наушниках голос Херманна.

У меня от напряжения взмокла спина. А вдруг просчитался? Вдруг чего-то не учел? Русские не раз уже выкидывали различные фокусы, и от них всего можно ожидать. Меня одолевали сомнения, но менять что-либо было уже поздно. Конечно, я своими действиями подставлял под удар весь экипаж и сейчас молился, чтобы все обошлось. Выстрел в бок в бензобаки с близкого расстояния даже сорокапятимиллиметровой пушки мог стать для нас роковым. Если я прав, то план иванов заключался в том, чтобы подбить передовой танк и закрыть им коридор, вынуждая остальные прорвавшиеся машины лезть либо на минное поле, либо отступить и сделать большой крюк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.